

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Сибирский федеральный университет»
Юридический институт

кафедра Теории и истории государства и права

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой

подпись

инициалы, фамилия

«_____» _____ 2021

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

«Правовое регулирование деятельности социальных организаций
в обществе»

40.04.01 Юриспруденция

40.04.01.10 Технологии профессиональной юридической деятельности

Руководитель магистранта д.ю.н., профессор _____ С.А. Дробышевский

должность, ученая степень

подпись, дата

инициалы, фамилия

Студент ЮЮ19-10М _____ 161945941 _____ В.А. Шадрин

номер группы

номер зачетной книжки

подпись, дата

инициалы, фамилия

Рецензент главный специалист- _____ Б.В. Кривошеин-Гончаров

государственный инспектор

подпись, дата

инициалы, фамилия

Министерства образования

Красноярского края

Красноярск 2021

СОДЕРЖАНИЕ

АННОТАЦИЯ.....	3
ВВЕДЕНИЕ.....	5
1. Социальные организации как предмет правового регулирования	14
1.1. Социальная организация и ее нормативное регулирование	14
1.2. Социальная организация как предмет правового регулирования в истории политico-юридической мысли	26
2. Право и его регулирующее воздействие на организации	62
2.1. Право и его регулирующее воздействие на организации в истории политico-юридической мысли	62
2.2. Право и его регулирующее воздействие на организации в современных политico-юридических исследованиях	81
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	92
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	93

АННОТАЦИЯ

В работе рассматриваются вопросы правового регулирования деятельности социальных организаций в обществе. Исследование на данную тему дает определенное видение на то, каким образом существует политическая организация общества и право, каким образом происходит урегулирование различных социальных групп между собой и какое место среди этого занимает суверенная власть.

Автором всесторонне рассмотрены понятия государство, общество, право, норма права, правовое регулирование, политическая организация общества и право, справедливость, человеческое достоинство. Для достижения всех поставленных целей и задач проанализированы различные научные взгляды и доктринальные положения.

Политическая организация общества и право функционируют в соответствии с некоторыми закономерностями. Основными можно назвать управляемо-организационный суверенитет, самодостаточное и независимое нормативное регулирование, и вытекающая из этого социальная система, которая создается в результате определенного упорядочения. Эти основные закономерности существования социальной реальности были описаны С.А. Дробышевским и взяты за основу работы. Данные положения исследовались еще в Древней Греции и Древнем Риме. Позже всесторонним рассмотрением этих аспектов занимались Фома Аквинский, Н. Макиавелли, Б.Спиноза, Т.Гоббс, Дж. Локк, С. Пуфendorf, Ш. Монтескье, Ж.Ж. Руссо, И. Кант, Г. Гегель, И. Бентам, Д. Остин, К. Маркс, Ф. Энгельс, Г. Спенсер, Г. Еллинек, Г.Кельзен и другие. Изучение этих и других публикаций следует продолжать с целью установления всех сформулированных суждений, которые противоречат идеям, изложенным в данной работе.

Ключевые слова: право, государство, политическая организация общества и право, общество, социальная организация, нормативное

регулирование, естественное право, позитивное право, формальный источник права, идеал политически организованного общества и права.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Суверенная власть призвана обеспечивать самосохранение и прогресс общества посредством правового регулирования. Само общество существует как совокупность входящих в него организаций. Отсюда ясно, что правовое регулирование в обществе включает упорядочение деятельности последней.

Такое упорядочение актуально потому, что цели, отстаиваемые обществом в лице функционирующей здесь суверенной власти, с одной стороны, и цели организаций, которые эта власть должна себе подчинять, с другой стороны, не только не совпадают, но иногда и противоречат друг другу. Так что суверенная власть не может обеспечить своё успешное функционирование без разделения действующих в обществе организаций на дозволенные ею, в том числе приветствуемые, и недозволенные. Последние на языке правового регулирования объявляются ею противоправными, в том числе преступными.

Правовое регулирование деятельности входящих в общество организаций актуально и по другой причине. Часть их суверенная власть привлекает как помощников в своей работе. Чтобы добиться этого, она не может не наделять организации субъективными юридическими правами и обязанностями, нужными для осуществления ими такой функции.

Наконец, есть и ещё одно обстоятельство, объясняющее актуальность исследования правового регулирования организаций в обществе. Здесь есть ассоциации, которые, с позиций суверенной власти, и осуществляют полезные функции для общества, и отчасти вредят ему. Естественно, что суверенная власть вынуждена не допускать их вредоносную деятельность доступными этой власти способами, включая правовые средства. Так как последней нужно знать, как это эффективно делать, нужно исследовать отмеченные способы, в том числе правовые средства.

Степень разработанности темы. Правовому регулированию деятельности социальных организаций посвящены многочисленные сочинения отечественных и зарубежных авторов. На часть этих работ даны ссылки в дальнейшем изложении.

Проблематика таких публикаций охватывает как теорию правового регулирования организаций, так и практические вопросы реализации теоретических положений на практике указанного упорядочения. Причём что касается упомянутой практики, то имеется в виду и отечественная, и зарубежная. Она, скажем, выступает в форме законодательства об организациях.

Пока и теория правового регулирования деятельности организаций, и практика такого упорядочения характеризуются множеством недостатков, в том числе существенных. Разумеется, все они требуют устранения.

Объект исследования. Этим объектом выступают некоторые стороны или грани правового регулирования деятельности социальных организаций.

Предмет исследования. Обсуждаемым предметом является совокупность теоретических представлений об объекте исследования.

Цель и задачи исследования. Первая заключается в познании правового регулирования деятельности социальных организаций. Задачи включают изучение, во-первых, социальной организации и ее нормативного регулирования, во-вторых, социальной организации как предмета правового регулирования в истории политico-юридической мысли, в-третьих, права и его регулирующего воздействия на организации в истории политico-юридической мысли, в-четвёртых, права и его регулирующего воздействия на организации в современных политico-юридических исследованиях.

Методологическая основа исследования. Её составляют разнообразные средства познания. Прежде всего имеются в виду приёмы логики; наблюдение, анализ, синтез, сравнение, индукция, дедукция,

абстрагирование. Затем подразумеваются системный и структурно-функциональный теоретические подходы. Наконец, применение всего этого к проблемам правового регулирования вылилось в использование специальных юридических методов.

Научная новизна исследования. Она проявляется, во-первых, в том, что вся общественная жизнь рассматривается объектом правового регулирования организаций, а не часть её; во-вторых, в теоретическом положении, согласно которому в организациях, разделённых на управляющих и управляемых, последние тем не менее принимают участие в управлении организации, где они выступают членами; в-третьих, в теоретическом представлении, что содержание идеи общего блага политически организованного общества, которую призвана проводить в жизнь суверенная власть при правовом регулировании, формулируется путем обобщения суверенной властью целей всех находящихся под ее руководством социальных организаций, существующих правомерно.

Положения, выносимые на защиту.

1. Всё поведение людей в обществе урегулировано социальными нормами. Это показывает, что в обществе любая его часть является социальной организацией.

В этой ситуации ясно то, что именно нужно классифицировать на различные их виды. Прежде всего к последним относятся структуры, в которых есть органы управления как отдельные лица и коллективы, специально выделенные для управления остальными людьми в каждой структуре. Указанные органы формулируют нормы организации и проводят их в жизнь, в том числе принудительно.

Всё остальное организованное поведение в обществе упорядочено иначе. В любой включённой в это остальное поведение структуре нет деления на лиц, наделённых полномочиями по нормативному

регулированию, и лиц, у кого такие полномочия отсутствуют. Все члены структуры и формулируют её правила, и проводят их в жизнь, в том числе против воли нарушителей этих норм. В данном случае имеется в виду так называемое неинституциональное нормативное регулирование.

Оно противопоставлено ранее отмеченному институциональному нормативному регулированию. В последнем, как указано, есть управляющие, отделённые от управляемых.

Правда, это разделение социальных организаций на два вида предполагает следующую закономерность, распространяющуюся на оба этих вида. Имеется в виду то, что все члены объединения участвуют в руководстве им в качестве руководителей не только в неинституциональных организациях. Ведь именно все члены объединения при институциональном нормативном регулировании избирают управляющих или иначе участвуют в определении состава руководителей этим коллективом.

Разумеется, такой теоретический подход предполагает, что на практике для обнаружения организации возможно начать с установления конкретных социальных норм. Затем надлежит установить коллектив лиц, в отношении которых найденные правила действуют. Этот коллектив и является совокупностью членов организации.

Поиск организаций в обществе следует закончить лишь в такой ситуации. Всё поведение всех членов общества оказывается интегрированным в выявленные здесь организации.

Сколько в обществе систем социальных норм, столько в нём и социальных организаций. Если обнаружены социальные нормы, не относящиеся к перечню известных организаций, то тот перечень неточен, а именно его требуется расширить.

По крайней мере так проявляется на практике сформулированный ранее тезис о том, что в обществе любая его часть является социальной

организацией. Верность же этого тезиса не может быть опровергнута хотя бы потому, что любое общество представляет собой организацию.

В ней суверенная власть общества регулирует всё поведение его членов без какого-либо исключения посредством так называемого позитивного и негативного правового регулирования. При первом суверенная власть устанавливает и проводит в жизнь субъективные юридические права и субъективные юридические обязанности подчинённых ей людей. При втором суверенная власть просто оценивает поведение подчинённых ей людей, не упорядоченное с помощью субъективных юридических прав и обязанностей, как правомерное и соответствующим образом к нему относится, то есть позволяет его.

2. Цель суверенной власти как системы органов управления всем обществом не может не включать цели руководимых ею организаций, если эти ассоциации рассматриваются суверенной властью как действующие правомерно. Скорее всего, таково содержание идеи общего блага политически организованного общества, которую призвана проводить в жизнь суверенная власть при правовом регулировании. Иными словами, суверенная власть формулирует идею общего блага, исходя из целей всех находящихся под ее руководством социальных организаций, существующих правомерно.

Естественно, что указанная идея является уникальной в каждом обществе по очевидным причинам. И перечень действующих здесь правомерно организаций свойствен только ему, и всякая из этих ассоциаций ставит перед собой цели, не совпадающие полностью с целями однотипных организаций в иных обществах.

Политически организованное общество есть организация составляющих её организаций. Именно отсюда вытекает присущее ему

распределение функций по социальному управлению посредством нормативного регулирования.

Это распределение функций предполагает, что суверенная власть отстаивает в ходе осуществляемого её нормативного регулирования упомянутую идею общего блага. Остальные же организации в процессе своего им нормативного регулирования реализуют более узкие цели, ради претворения в жизнь которых каждая из этих ассоциаций в обществе была создана.

Чтобы суверенная власть могла осуществить отмеченную её функцию, необходимо следующее. Нормативное регулирование суверенной власти должно быть руководящим, а нормативное регулирование остальных организаций подчинённым ему. Это означает, что при противоречии норм, установленных суверенной властью, и норм, установленных органами управления, к ней не относящимся, действуют первые указанные правила, а не вторые.

Такое положение обеспечивается просто. В обществе устанавливается монополия на физическое принуждение одной структуры. Последняя и есть суверенная власть. И она не была бы таковой без указанной монополии.

Разумеется, любая организация, не охватываемая суверенной властью, может применить принуждение к своему члену. Но оно не должно быть физическим. Применение последнего есть лакмусовая бумажка, показывающая отступление организации от упомянутой идеи общего блага.

3. Для теории организаций имеет смысл лишь понимание права как системы норм. Иные трактовки права непригодны. Но, как известно, право в качестве юридического феномена возникло исключительно для нужд организации людей. Вот почему присутствующие в истории и современности ненормативные трактовки права некорректны.

Из нормативных трактовок права также не все верны. Имеется представление о том, что право – это социальные нормы, формулируемые и проводимые в жизнь суверенной властью. Однако создана и идея, согласно которой к праву относятся все социальные нормы, устанавливаемые организациями общества, разделёнными на управляющих и управляемых людей.

Критерием оценки двух только что приведённых точек зрения на понимание права служит практика правового регулирования. И она свидетельствуют, что практикующие юристы во все времена придерживались и придерживаются такого убеждения. Только суверенная власть устанавливает и проводит в жизнь нормы права. Поэтому само оно есть правила, формулируемые и реализуемые именно ею.

Ясно, что теория правового регулирования должна обслуживать нужды охарактеризованной практики. Вот почему в этой теории право следует понимать как систему норм в обществе, устанавливаемых и проводимых в жизнь усилиями суверенной власти. Именно таким образом упомянутая идея о праве как явлении, существующем исключительно для нужд организации людей в обществе, получает наилучшее выражение.

Понимание права в сочинениях учёных нашего времени для прогресса в правовом регулировании организаций в обществе должно исключать иные представления о праве, кроме его трактовки как общеобязательных для его адресатов норм, формулируемых и проводимых в жизнь усилиями суверенной власти. Ведь право как средство организации не должно пониматься так, что вызывающая его к жизни функция игнорируется.

4. Наилучшей организации общества, предполагающей высокую эффективность правового регулирования, мешает теоретическое представление о том, что суверенная власть способна функционировать без права и правового регулирования. Причём имеются в виду не только условия

глубокой древности, но и современные общества. Речь идёт, например, об идее, что право и фашизм, право и большевизм – несовместимые феномены. Так что в условиях, скажем, нацистской Германии право отсутствовало.

Указанное представление дезорганизует практикующих юристов, ибо побуждает их относиться к праву не как к необходимости, а как к чему-то, без чего можно обойтись в работе органов управления всем обществом. Естественно, такое отношение не может не сказываться отрицательно на усилиях юристов по правовому регулированию подчинённых суверенной власти организаций.

Для повышения эффективности правового регулирования вообще и правового регулирования функционирования социальных организаций в частности рассматриваемое представление нужно преодолеть. Логика его критики очевидна. Любая социальная организация характеризуется наличием нормативного регулирования. Государственно организованное общество – это разновидность отмеченной организации, которой присуще нормативное регулирование, выступающее как правовое. Поэтому государство немыслимо без права.

5. Лучше всего решается любая проблема теми, кто её прекрасно знает. Отсюда при правовом регулировании деятельности общественных организаций не следует отнимать у них урегулирование вопросов, которые в этих ассоциациях возникли. Пусть каждая организация их решает сама под контролем общества, поскольку возможное решение способно повлиять на интересы всего общества.

Правда, из этой рекомендации имеется исключение. В условиях некоторых политических режимов существуют допускаемые правом организации, интересы которых несовместимы с устремлениями, отстаиваемыми суверенной властью. Если таким ассоциациям дать возможность самим принимать решения по возникающим здесь вопросам, то

устремления суверенной власти едва ли будут учтены. Так что для последней, скорее всего, целесообразнее другая линия поведения. Может быть, для этой власти более эффективным в плане правового регулирования окажется принятие соответствующих решений её структурами.

Теоретическая и практическая значимость. Изложенные в работе идеи, особенно те, которые только что приведены как положения, вынесенные на защиту, корректируют в соответствии с истиной немало суждений, сформулированных в научной литературе. Так как в соответствии с последними созданы юридические нормы, отсюда вытекает необходимость коррекции в соответствии с истиной и таких правил.

Разумеется, изложенные в работе идеи могут быть использованы при преподавании юридических дисциплин. Речь идёт, например, о теории государства и права.

Апробация результатов исследования. Во-первых, они изложены автором на научной конференции. Подразумевается участие в XVII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Проспект Свободный — 2021». Во-вторых, автор опубликовал эти результаты в научной статье «Правовое регулирование деятельности социальных организаций в обществе».

1. Социальные организации как предмет правового регулирования

1.1. Социальная организация и ее нормативное регулирование

Европейская политico-юридическая наука имеет огромное мировое значение. Эта наука является прямым продолжением юриспруденции Древней Греции и более поздней правовой науки и культуры Древнего Рима. Достаточно высокоразвитая цивилизация и юридическая наука Западной Европы получили широкое распространение. Из Европы политico-юридическая наука распространилась на другие континенты¹.

При этом не стоит забывать, что именно в Древней Греции и Древнем Риме были сформулированы основные понятия и категории юриспруденции. Хотя конечно представители различных народов значительно обогащали греко-римские юридические дефиниции исследуя обновляющуюся практику.

Одна из важнейших юридических категорий – политическая организация общества и права – в целом сложилась благодаря усилиям древнегреческих и древнеримских мыслителей².

Ученые Древней Греции и Древнего Рима изучали различные социальные явления. Эти явления удобнее характеризовать, используя понятие социальной организации, свойственных этой организации социальных норм и складывающегося на основе таких социальных норм нормативного регулирования. Когда ученые (еще со времен Марсилия Падуанского) давали определение понятия социальная организация, то использовали при этом категории «социальные нормы» и «нормативное регулирование»³. Можно сказать, что за долгие годы в европейском обществе даже сложилось следующее традиционное определение социальной

¹ Алексеев С.С. Государство и право: учебник / С.С. Алексеев. - Москва: ИНФРА-М, 2006. С. 27.

² Дробышевский С.А. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции : монография. – Москва : Проспект, 2015. – С. 10.

³ Бандурин, А. П. Социальная регуляция: рациональное и иррациональное : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / А. П. Бандурин. — Ростов на Дону, 2005. С. 4.

организации: Это направленная на реализацию определенной потребности или группы потребностей ряда людей их комбинированная деятельность, упорядочивающаяся ее органами управления путем нормативного регулирования⁴.

С.А. Дробышевский дополняя это определение, подчеркивает, что нормативное регулирование включает формулирование и проведение в жизнь управляющими структурами комбинированной деятельности ее правил, то есть социальных норм, обязательных для участников деятельности⁵. Он считает, что социальные организации, норма и нормативное регулирование могут быть названы «политическая организация общества и право».

Политическая организация общества и право функционируют в соответствии с тремя закономерностями. Можно сказать, что это три принципа или три аспекта социальной реальности. Условно их можно наименовать «Триада Дробышевского».

1) Управленчески-организационный суверенитет

Политической организацией общества можно назвать ту организацию, которая удовлетворяет систему потребностей своих членов, функционирует независимо; подчиняется лишь своим органам управления; территориально отделена; включает в себя другие ассоциации. При этом управляющие органы политической организации общества руководят гражданами напрямую и воздействуя на руководящие органы имеющихся в ней организаций.

2) Самодостаточное и независимое нормативное регулирование

С.А. Дробышевский пишет, что речь идет об общеобязательном для членов целостности нормативном регулировании, формулирующем и

⁴ История политической мысли и современность / под ред. Д.А. Керимова. М.: Наука, 1988. С. 8

⁵ Дробышевский С.А. Формальные источники права / С.А. Дробышевский, Т. Н. Данцева. – Москва : Норма. 2011. С. 7.

реализующем общеобязательные социальные нормы. Оно осуществляется органами управления целостности и дополняет нормативное регулирование, идущее в каждом из ее сегментов в отношении норм, обязательных для соответствующего сегмента⁶.

3) Социальная система, которая создается в результате определенного упорядочения (благодаря первым двум аспектам) всегда противоречива. Этой социальной системе всегда свойственно противоречие между целями общеобязательного нормативного регулирования и тем, как они реализуются. Цели общеобязательного нормативного регулирования это прямое воплощение политico-правового идеала. Они как правило благородны, направлены на улучшение жизни и прогресс. В большинстве случаев содержат в себе идею достоинства человека⁷. В чем же заключается противоречие между целями общеобязательного нормативного регулирования и тем, как они реализуются?

С одной стороны, их воплощение в общеобязательных правилах неполно и неточно. С другой – и сами общеобязательные нормы претворяются в жизнь лишь частично и с искажениями⁸.

Триада Дробышевского тесным образом связана с категорией справедливости и категорией идеал. Древним грекам и древним римлянам были известны понятия идеала и понятия справедливости. С точки зрения древних греков и древних римлян идеал полного и точного осуществления на практике целей общеобязательного нормативного регулирования обычно фиксировался в понятии социальной справедливости. Для древнегреческих и древнеримских мыслителей всякая реально существующая общественная система, удовлетворяющая совокупность потребностей своих членов с

⁶ Дробышевский С.А. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции. М. : Проспект, 2017. С. 11

⁷ Протопопова Т.В. Правовое регулирование обеспечения человеческого достоинства : монография. – Москва : Проспект, 2021. С. 21.

⁸ Гаевой В.С. Основы политологии : реф. акад.пособия "Наука о политике" под ред. А.Боднара, Варшава 1988г.,пер.с польск. / В. Гаевой, 2-е изд.,перераб.и исправл. - М. : [б. и.], 1990. С. 47.

использованием общеобязательного нормативного регулирования и обнаруживающая противоречие между целями такого упорядочения и тем, как они осуществляются на практике, неизменно оказывалась несправедливой (правда, только лишь в некоторой степени, а не совершенно)⁹.

Следует отметить, что в Древней Греции и Древнем Риме старались постоянно улучшать социальную организацию. Именно поэтому на нее смотрели как на нечто несовершенное¹⁰. И в современном мире ученые изучают социальные целостности в основном с целью их улучшения. Ученые и в древности и сейчас формулирует для себя некие идеальные модели социальных организаций. Проводя научный анализ ученый всегда создает теоретическую модель отличающуюся от существующего объекта в лучшую сторону (по мнению самого ученого). Для каждого исследователя важно суметь сформулировать наилучшую концепцию, идеальную модель и постараться материализовать их.

Что же такое справедливый социальный организм?

Вероятно, это прежде всего социальная организация, обслуживающая систему нужд людей с помощью конструирования и проведения в жизнь общеобязательных правил.

В действительности нет абсолютно идеальных, устраивающих всех людей социальных организаций, а значит и понимание того, что такая справедливо устроенная организация всегда будет в определенной степени разниться.

Даже Аристотель считал, что его теория распределяющей и уравнивающей справедливости повсюду, где имеет место общеобязательное нормативное регулирование осуществляется не целиком: органы,

⁹ Дробышевский С.А. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции. М. : Проспект, 2017. С. 12

¹⁰ Нерсесянц В. С. Философия права. Москва, 1998. С. 33.

занимающиеся формулированием и принудительной реализацией общеобязательных социальных норм, не относятся к руководимым ими индивидам и организациям полностью справедливо, поскольку не ставят управляемых в одинаковое положение применительно к удовлетворению потребностей¹¹.

Здесь наряду с категорией справедливости возникает такая категория как равенство. Следует отметить, что и справедливость и равенство являются нравственными ценностями и могут быть определены с помощью еще одной морально-этической ценности - человеческого достоинства. Действительно справедливо к человеку относятся тогда, когда уважают его потребности и способствуют возвышению его достоинства, а равенство это есть прежде всего уважение человеческого достоинства каждого.

Но что же понимал Аристотель под «справедливым обществом»? Согласно представлениям Аристотеля, справедливое общество — это общество в котором каждый его трудоспособный член равен всем остальным способным в работе в том, что потребляет вместе со своей семьей столько жизненных благ, сколько производит сам, не живя за счет других способных к труду людей и не позволяет им жить за свой счет¹².

Вопрос о том, что такое социальная организация предполагает разрешение вопроса важного как для юриспруденции, так и для других общественных наук. Это вопрос о том, что такое общество?

В философской литературе можно встретить следующее определение: «общество- это группа людей, созданная благодаря целенаправленной и разумно организованной совместной деятельности, причем члены такой группы не объединены столь глубоким принципом как в случае подлинной общности»¹³. Общество покоятся на конвенции, договоре, одинаковой

¹¹ Аристотель. Этика. Санкт-Петербург, 1908. С. 87.

¹² Дробышевский С.А. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции. Москва. : Проспект, 2017. С. 13.

¹³ Краткая философская энциклопедия Москва, 1994 С. 313

направленности интересов. Индивидуальность отдельного человека гораздо меньше изменится под воздействием его включенности в общество, чем в зависимости от включенности в общность. Часто под обществом подразумевают сферу лежащую между индивидом и государством (например, когда речь идет об ориентировании целей воспитания на «общественную» волю определенной эпохи), или гражданское общество романтиков или в смысле французского *societe-corps social* – весь человеческий род. После попыток объяснения сути понятия «общество» в древности (Аристотель) и в средние века (Августин и Фома Аквинский) вопрос этот стал в особенности, политico-философской проблемой, исчерпывающее решение которой пытался дать Конт в своей социологии. Поэтому общество стало предметом рассмотрения и центральным пунктом новой науки – социологии¹⁴.

Таким образом с точки зрения философов общество это объединенная по соглашению группа людей, создавшаяся благодаря достойно организованной совместной деятельности¹⁵. При этом философское определение общества трудно понять не рассмотрев вопрос о том, что такое общность, так как первая дефиниция строится во многом на противопоставлении второй. «Общность – это в метафизическом смысле категория совместного бытия или взаимодействия (лат. *commercium*)», встречается еще у Лейбница и Канта; в социологическом смысле – естественная (органическая) совместная жизнь группы людей, связанных одинаковым происхождением, схожими взглядами, общей судьбой и устремлениями, в противоположность рациональной организации, имеющей определенную цель и называемой обществом; различие между обществом и общностью проводил Топье и по нему типичной общностью являются семья и народ. Семья как общность любви, имущества и судьбы. Народ как

¹⁴ Дробышевский С.А. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции. М. : Проспект, 2017. – С. 20

¹⁵ Алексеев С. С. Восхождение к праву. Москва: Статут, 2010. С. 68.

носитель общего духа, как общность языка культуры и судьбы. Сущность человеческих общностей, и в особенности отношения отдельных индивидов к общностям, является предметом исследования социологии и социальной психологии¹⁶.

Представители юридической науки дали определение с которым трудно не согласиться. «Общество – это вся жизнь людей в пространстве, где функционирует определенная суверенная власть»¹⁷.

В современной науке теории государства и права вместо термина «общество» можно встретить, например, термин «политическая организация общества, где действует право», «максимальная политическая организация», «всеобъемлющая», либо «суммарная» политическая организация, «государство», «полития», «политическое тело», «политическая система» и так далее¹⁸.

Одна из основных целей создания общества – удовлетворение потребностей, желаний и интересов людей. Общество это прежде всего человеческое объединение, которое складывается из социальных организаций, удовлетворяющих нужды людей.

Три аспекта социальной реальности которые были хорошо описаны С.А. Дробышевским исследовались учеными и после Древней Греции и древнего Рима. Эти аспекты рассматривали Фома Аквинский, Н. Макиавелли, Б.Спиноза, Т.Гоббс, Дж. Локк, С. Пуфendorf, Х. Томазий, Ш. Монтескье, И. Кант, Г. Гегель, И. Бентам, Д. Остин, К. Маркс, Ф. Энгельс, Г. Спенсер и другие. Многие из этих ученых закономерно следуя многовековой традиции изучения социальных явлений создавали свои концепции политической организации общества и права. Многие из этих концепций признаны и нашими современниками. Очень многие ученые считают, что

¹⁶ Краткая философская энциклопедия М. 1994 С. 313.

¹⁷ Сырых В. М. Теория государства и права. Москва: Юстицинформ, 2012. С. 82.

¹⁸ Дробышевский С. А., Лыков А. Ю. Идеалы политически организованного общества и права М.: Норма, 2017, С. 13

политической организации общества (всеобъемлющей, максимальной, суммарной политической организацией, государством, политией, политическим телом, режимом, политической системой) выступает реализующее совокупность потребностей своих членов общественное объединение, которое складывается из социальных организаций, удовлетворяющих отдельные нужды этих людей. В нем органы управления целостности осуществляют нормативное регулирование, общеобязательное для всех ее участников, путем формулирования и проведения в жизнь общеобязательных норм¹⁹.

Любая социальная организация как правило, состоит из более мелких сегментов. В каждом сегменте целостности его руководящие структуры действуют на основе норм общеобязательных лишь для членов сегмента. Однако органы управления всей социальной организацией осуществляют различные организационные действия по упорядочиванию жизни, дополняя и корректируя руководство на местах.

Обычно в этом случае мы говорим, что осуществляется управленческая деятельность. Это работа по нормативному регулированию в рамках конкретного человеческого общества²⁰.

В идеале управленческая деятельность должна обеспечить обществу материальную справедливость (полное воплощение в правовых нормах целей их создания) и формальную справедливость (точное осуществление предписаний в том виде, в каком они сформулированы)²¹. На практике даже самые лучшие органы управления не могут обеспечить обществу ни полной материальной справедливости, ни полной формальной справедливости. Это вполне естественный процесс, который можно направить в положительное

¹⁹ Дробышевский С.А. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции. М. : Проспект, 2017. – С. 13-14

²⁰ Матузов Н.И. Теория государства и права : учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – Москва: Дело РАНХиГ. 2015. С. 79.

²¹ Марченко, М.Н. Теория государства и права: учебник / М.Н. Марченко. - Москва: изд-во Зерцало, 2006. С. 116.

руслу прибегнув к методу верного формулирования политico-правовых идеалов. К сожалению, на практике руководящие политически организованным обществом органы допускают серьезные проступки, что подчас приводит к возникновению явления, которое современные философы назвали «ожидание гибели».

Еще в 1947 году О. Вейт писал: «основной лейтмотив нынешней истории философии – идея апокалиптического конца. Крушение, катастрофа, закат, сумерки, конец – все эти слова встречаются в любом исследовании по истории культуры. Их связывают со старым общественным порядком, со старой системой хозяйства, со всей системой ценностей или, еще более обще – с культурой Запада»²².

Наиболее известное выражение этой идеи мы находим у Ницше в предисловии к его работе «Воля к власти». Он пишет, что вся наша европейская культура уже с давних пор движется в какой-то пытке напряжения, растущей от десятилетия к десятилетию; как бы направляясь к катастрофе: беспокойно, насильственно, порывисто, подобно потоку, стремящемуся к своему исходу, не задумываясь, боясь задуматься²³.

Альфред Вебер считал, что результатом всей предшествующей истории является возвращение к страху первобытных народов перед миром и существованием. В начале 16 века Ульрих фон Гуттен еще мог провозглашать: «О столетие! О наука! Какое удовольствие жить!» обнаруживая тем самым веру в прогресс, которая нашла затем свою опору в философии эпохи просвещения и имманентном оптимизме диалектического материализма²⁴.

²² Цит. По Краткая философская энциклопедия М. 1994 С. 315.

²³ История политических и правовых учений: Учебник / Под ред. О.Э. Лейста. – М.: Юридическая литература, 1997. С. 380.

²⁴ Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: Учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. С. 244.

Следует признать, что если упадническое «ожидание гибели» и поразило определенные элитарные круги Западной Европы, то большинство людей в особенности люди простые не подвержены этому потому как совершенно противоестественно жить без надежд на будущее. Большинство людей понимают, что сложность нынешней жизни и упадок нравственности связаны с тем, что господство людей над природой и неизмеримое совершенствование техники опережают развитие моральных качеств человека.

Отсюда и возникает противоестественное, болезненное и довольно опасное напряжение в обществе.

Уже Иммануил Кант в работе «Das Ende aller Dinge» говорил о «естественноти того, что прогресс человеческого рода, культур, талантов, способностей и вкусов опережает развитие моральности»²⁵.

В современной американской социологии существует термин «cultural lag». Этим термином обозначается следующее явление, при котором социальное мышление отдельных людей и управляющие органы социальных организаций не способны поспеть за прогрессом науки и техники²⁶.

Когда мы говорим о крупномасштабных социальных объединениях и употребляем слова «государство», «полития», «политическая организация общества» следует помнить, что не все ученые под этими понятиями подразумевают не любую общественную систему, удовлетворяющую потребности своих членов с помощью общеобязательного нормативного регулирования. Некоторые учёные считают, что государством, политией, достойной социальной организацией может быть только такая, которая проводит в жизнь идеи социальной справедливости. Причем имеется в виду

²⁵ Краткая философская энциклопедия М. 1994 С. 320.

²⁶ Бауман З. Текущая современность. Санкт-Петербург, 2008. С. 129.

именно то, что каждый из этих ученых сам понимает под социальной справедливостью²⁷.

Проведённое исследование даёт почву для выводов. Они таковы.

Всё поведение людей в обществе урегулировано социальными нормами. Это показывает, что в обществе любая его часть является социальной организацией.

В этой ситуации ясно то, что именно нужно классифицировать на различные их виды. Прежде всего к последним относятся структуры, в которых есть органы управления как отдельные лица и коллективы, специально выделенные для управления остальными людьми в каждой структуре. Указанные органы формулируют нормы организации и проводят их в жизнь, в том числе принудительно.

Всё остальное организованное поведение в обществе упорядочено иначе. В любой включённой в это остальное поведение структуре нет деления на лиц, наделённых полномочиями по нормативному регулированию, и лиц, у кого такие полномочия отсутствуют. Все члены структуры и формулируют её правила, и проводят их в жизнь, в том числе против воли нарушителей этих норм. В данном случае имеется в виду так называемое неинституциональное нормативное регулирование.

Оно противопоставлено ранее отмеченному институциональному нормативному регулированию. В последнем, как указано, есть управляющие, отделённые от управляемых.

Правда, это разделение социальных организаций на два вида предполагает следующую закономерность, распространяющуюся на оба этих вида. Имеется в виду то, что все члены объединения участвуют в руководстве им в качестве руководителей не только в неинституциональных

²⁷ Гриценко Г. Д. Право как социокультурное явление: Философско-антропологическая концепция : дис. ... д. филос. наук. 09.00.13 / Гриценко Галина Дмитриевна. - Ставрополь, 2003. С. 67.

организациях. Ведь именно все члены объединения при институциональном нормативном регулировании избирают управляющих или иначе участвуют в определении состава руководителей этим коллективом.

Разумеется, такой теоретический подход предполагает, что на практике для обнаружения организации возможно начать с установления конкретных социальных норм. Затем надлежит установить коллектив лиц, в отношении которых найденные правила действуют. Этот коллектив и является совокупностью членов организации.

Поиск организаций в обществе следует закончить лишь в такой ситуации. Всё поведение всех членов общества оказывается интегрированным в выявленные здесь организации²⁸.

Сколько в обществе систем социальных норм, столько в нём и социальных организаций. Если обнаружены социальные нормы, не относящиеся к перечню известных организаций, то тот перечень неточен, а именно его требуется расширить.

По крайней мере так проявляется на практике сформулированный ранее тезис о том, что в обществе любая его часть является социальной организацией. Верность же этого тезиса не может быть опровергнута хотя бы потому, что любое общество представляет собой организацию.

В ней суверенная власть общества регулирует всё поведение его членов без какого-либо исключения посредством так называемого позитивного и негативного правового регулирования. При первом суверенная власть устанавливает и проводит в жизнь субъективные юридические права и субъективные юридические обязанности подчинённых ей людей. При втором суверенная власть просто оценивает поведение подчинённых ей людей, не упорядоченное с помощью субъективных юридических прав и обязанностей,

²⁸ Дробышевский С.А. Правовое регулирование в первобытном обществе: теоретическая возможность и ее практическая реализация : монография — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2020. С. 154.

как правомерное и соответствующим образом к нему относится, то есть позволяет его²⁹.

1.2. Социальная организация как предмет правового регулирования в истории политico-юридической мысли

В свое время Б. Спиноза писал о необходимости политico-юридических явлений в человеческом обществе и понятиях государства и права. «Все люди ... образуют некоторое гражданское состояние», ибо «устроены таким образом, что не могут жить вне какого-нибудь общего права». Гражданское состояние создается наличием «какой бы то ни было верховной власти ... Совокупное же тело верховной власти называется государством», а право – «это душа государства», его «общее решение», осуществление которого гарантируется «общей силой народа». Так, «при монархическом образе правления все право есть изъявленная воля царя ... и царь - само государство». Другое дело, что «воля царя имеет силу закона, пока он держит в своих руках меч государства», а «мощь одного человека незначительна по сравнению с бременем всей верховной власти ... Поэтому царь постоянно нуждается в советниках»³⁰.

По словам Б. Спинозы, в связи с тем, что «в одиночестве никто не обладает силами, достаточными для самозащиты и для снискания всего необходимого в жизни, то люди по природе стремятся к гражданскому состоянию и не может случиться, чтобы ... когда-нибудь совершенно из него вышли». Вот почему «раздоры и восстания, часто возникающие в государстве, никогда не приводят к тому, чтобы граждане распускали государство ...; но лишь к изменению формы государства, если именно

²⁹ Дробышевский С.А. Функциональная и генетическая связь государства и права. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1982. С. 79.

³⁰ Спиноза, Б. Политический трактат / Б. Спиноза. // Избранные произведения. Т. 2. – М., 1957. С. 88.

распри не могут прекратиться при сохранении существующего государственного порядка»³¹.

Следует отметить, что когда мы рассуждаем о социальной организации и анализируем понятие государство, мы непременно останавливаемся на вопросе территории. Ведь по идеи государство это и есть общество в определенных границах³².

В 17 веке Д. Локк рассуждая о значении территории жителей государства для достижения его целей писал, что «труд составляет гораздо большую часть стоимости вещей, которыми мы наслаждаемся в этом мире; а земля, которая дает сырье, ... должна, самое большее, включаться как очень маленькая часть ее ... Это показывает, насколько» для реализации целей государства «количество людей более важно, чем обширность владений»³³.

Современник Б. Спинозы, выдающийся английский политолог 17 века Т. Гоббс оставил очень ценные рассуждения о понятии и структуре государства. Т.Гоббс полагал, что наибольшим человеческим могуществом является то, которое составлено из сил людей, объединенных соглашением, и перенесено на одну личность, пользующуюся всеми этими силами или по своей собственной воле, или в зависимости от воли каждого в отдельности. Вот почему иметь слуг есть могущество, иметь друзей есть могущество, ибо все это означает объединенные силы³⁴.

Если «люди назначили одного человека или собрание людей ... их представителями» затем, «чтобы каждый человек считал себя доверителем в отношении всего, что носитель общего лица будет делать сам или заставит делать других в целях сохранения общего мира и безопасности, ... то

³¹ Дробышевский С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи : учебное пособие / — 4 е изд., доп. — М. : Норма, 2020. — С. 117

³² Халтурин А. Н. Право как социальный регулятор // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-kak-sotsialnyy-regulyator>.

³³ Дробышевский С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи : учебное пособие / — 4 е изд., доп. — М. : Норма, 2020. — С. 134

³⁴ Гоббс Т. Левиафан. – М. : РИПОЛ классик, 2016. С. 313.

множество людей, объединенное таким образом в одном лице, называется государством». Оно независимо от подобных объединений, ибо подвластно лишь собственной верховной власти, а эта власть выступает в роли единственного представителя всей совокупности интересов подчиненных ей людей.

Структура государства включает упорядоченные и неупорядоченные, политические и частные, законные и незаконные социальные организации. Из них упорядоченными являются те, в которых один человек или собрание людей установлены в качестве представителей всего объединения, а неупорядоченными называются группы, которые, не имея никакого представительства, представляют собой лишь скопление людей. К политическим ассоциациям или телам относятся социальные объединения, образованные на основании специальных актов об их правах и обязанностях, изданных верховной властью государства. Частные же группы установлены самими подданными» этой власти или образованы на основании полномочий, данных чужеземной властью. Наконец, законны лишь группы, которые допущены государством, а «все другие противозаконны». Например, незаконными являются корпорации нищих и воров, образованные в целях наилучшей организации своего промысла: попрошайничества и воровства, а также корпорации инспирируемых из-за границы людей, которые объединяются в каком-нибудь государстве для более легкой пропаганды учений и для образования партий, подрывающих власть государства³⁵.

В политических телах «власть представителей всегда ограничена», и «границы ей предписываются верховной властью, ибо ... в каждом государстве суверен является абсолютным представителем всех подданных. Поэтому всякий другой может быть представителем части этих подданных лишь в той мере, в какой это разрешается сувереном». Причем «разнообразие политических тел почти безгранично, ибо они различаются не только по

³⁵ Чичерин, Б. Н. Философия права / Б. Н. Чичерин. — Санкт-Петербург : Наука, 1998. С. 206.

кругу задач, для которых установлены и которые сами по себе бесконечно разнообразны, но также и в отношении времени, места и числа, которые подвержены многим ограничениям».

Неупорядоченные группы людей «становятся законными или незаконными в зависимости от ... повода к скоплению и от числа собравшихся. Если повод законен и явен», то «скопление законно. Таково, например, обычное скопление народа в церкви или на публичных зрелищах, если число собравшихся не выходит из обычных рамок, ибо, если число собравшихся слишком велико, повод неясен, и, следовательно, всякий, кто не может дать подробного и ясного отчета о мотивах своего пребывания в толпе, должен считаться преследующим противозаконные и мятежные цели. Можно считать вполне законным для тысячи человек составить общую петицию, которая должна быть представлена судье или должностному лицу, однако если тысяча человек пойдет подавать ее, то это уже мятежное собрище, ибо для этой цели достаточно одного или двух человек. Однако в подобных случаях собрание делает незаконным не какое-нибудь установленное число, а такое число, которое представители власти не способны укротить или передать в руки правосудия»³⁶.

Об образовании и сущности политической организации общества Ж.Ж.Руссо говорил, что объединение людей в политически организованное общество означает, что каждый из них передает в общее достояние, и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для них вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого³⁷. Иными словами, «немедленно вместо отдельных лиц ... этот акт ассоциации создает условное коллективное целое ... Это лицо юридическое, образующееся ... в результате объединения всех других, ... именуется республикою или политическим организмом: его члены называют этот

³⁶ Дробышевский С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи : учебное пособие / — 4 е изд., доп. — М. : Норма, 2020. — С. 135

³⁷ Руссо, Ж.-Ж. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – М.: Наука, 1969. С. 475.

политический организм государством, когда он пассивен, сувереном, когда он активен, державою - при сопоставлении его с ему подобными. Что до членов ассоциации, то они в совокупности получают имя народа, а в отдельности называются гражданами как участвующие в верховной власти и подданными как подчиняющиеся законам государства». Причем «каждый индивидуум ... оказывается принявшим двоякое обязательство, именно: как член суверена в отношении частных лиц и как член государства по отношению к суверену. Поскольку каждый выступает в двояком качестве», то решение, принятое всем народом, может иметь обязательную силу в области отношений всех подданных к суверену, но ... если бы суверен предписал сам себе такой закон, от которого он не мог бы себя освободить, - это противоречило бы самой природе политического организма. Нет и не может быть никакого основного закона, обязательного для народа в целом³⁸.

Ж.Ж. Руссо писал, что когда масса людей объединяется в одно целое, уже невозможно причинить вред ни одному из его членов, не задевая целое, и тем более нельзя причинить вред целому так, чтобы члены его этого не почувствовали³⁹. Сама природа обязательств, связывающих людей в государстве друг с другом, «такова, что, выполняя их, нельзя действовать на пользу другим, не действуя также на пользу себе ... Стало быть, и долг, и выгода в равной мере обязывают» народ как суверена и каждого отдельного человека из состава народа «взаимно помогать друг другу». Правда, частный интерес каждого индивидуума «может внушать ему иное, чем то, чего требует интерес общий». Однако «каждый, отделяя свою пользу от пользы общей, хорошо понимает, что он не может отделить ее полностью, но причиняемый им обществу вред представляется ему ничем по сравнению с теми особыми благами, которые он намеревается себе присвоить. Если не считать этих особых благ, то он желает общего блага для своей собственной

³⁸ Исаев И.А. История политических и правовых учений России : хрестоматия / И. А. Исаев, Н. М. Золотухина. – Москва: Юристъ, 2003. С. 239.

³⁹ Руссо, Ж.-Ж. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – М.: Наука, 1969. С. 503.

выгоды столь же сильно, как и всякий другой». И все же «само его естественно независимое существование может заставить его рассматривать то, что он должен уделять общему делу, лишь как безвозмездное приношение, потеря которого будет не столь ощутима для других, сколь уплата этого приношения обременительна для него, и если бы он рассматривал то юридическое лицо, которое составляет государство, как отвлеченное существо, поскольку это - не человек, он пользовался бы правами гражданина, не желая исполнять обязанностей подданного; и эта несправедливость, усугубляясь, привела бы к разрушению политического организма»⁴⁰.

Для недопущения такого результата соглашение людей об образовании политической организации общества включает в себя обязательство, которое одно только может дать силу другим обязательствам. Его суть сводится к тому, что если кто-либо откажется подчиниться общей воле, то будет к этому принужден всем организмом⁴¹.

Выдающийся английский ученый – юрист первой половины 19 века Д. Остин политическую организацию общества обычно именовал «независимым политическим обществом» и отличал от «политических обществ», не обладающих независимостью. Политическую организацию общества он характеризовал как человеческую общность, часть членов которой - поданные – «находится в привычном повиновении» остальной ее части - так называемому суверену. Последний - это индивид или коллектив, «никому привычно не подчиняющийся»⁴². В противоположность политической организации общества иные политические объединения не включают суверена и «полностью состоят из подданных».

⁴⁰ Дробышевский С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи : учебное пособие / — 4 е изд., доп. — М. : Норма, 2020. — С. 160

⁴¹ Алексеева Т. А. Политическая философия. Москва, 2007. С. 290.

⁴² История политических и правовых учений: Учебник / Под ред. акад. РАН, д. ю. н., проф. В. С. Нерсесянца. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2004. С. 677.

Однако, по мнению Д. Остина, человеческая общность, охватывающая суверена и подданных, конституирует политическую организацию общества только в случае, когда удовлетворяет двум требованиям. Во-первых, она должна представлять собой объединение семей, насчитывающее, по крайней мере, «не меньше нескольких сотен человек». Во-вторых, нужно, чтобы в ней именно большинство подданных находилось в состоянии привычного повиновения суверену.

Такое повинование во всех без исключения политических организациях общества выступает в форме подчинения подданных общеобязательным для них нормам, которые устанавливаются сувереном. Д. Остин называл совокупность этих правил поведения «установленным» или «позитивным» правом, а иногда даже просто «правом», и отмечал, что по своей функции в независимом политическом обществе всякая юридическая норма как элемент установленного права есть «приказ суверена подданным».

Реализация любого подобного предписания большинством его адресатов обеспечивается в силу самого положения суверена в политической организации общества. По представлениям Д. Остина, это положение предполагает непреодолимую силу суверена по отношению к подданным. Ею суверен не всегда пользуется, но может воспользоваться для проведения в жизнь правовых норм, если поданные не руководствуются ими в своем поведении⁴³.

Исследуя политическую организацию общества нельзя не затронуть вопрос о ее структуре⁴⁴. С точки зрения Г. Спенсера, рассуждая о политически организованном обществе, необходимо иметь в виду «не одни только» самые «жизненные его единицы, - человеческие существа», определяющие «в главной мере наблюдаемые в нем явления», но также и

⁴³ Дробышевский С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи : учебное пособие / — 4 е изд., доп. — М. : Норма, 2020. — С. 162

⁴⁴ Акмалова А. А. Теория государства и права: учебное пособие / А. А. Акмалова, В. М. Капицын. – Москва: ИНФРА-М, 2017. С. 44.

организмы двух других видов. Во-первых, «различные роды домашних животных, которые, стоя ниже», чем человек, «на лестнице жизни, оказывают» тем не менее ему «свое содействие под его непрерывным контролем». Во-вторых, «растения», доставляющие «материалы для животной и человеческой деятельности», размножаясь «под влиянием и при содействии человека». Так как «физические и душевные особенности человеческих единиц ... и их повседневные действия складываются в известной мере под влиянием этих животных и растений», то все такие организмы «не могут быть по справедливости исключены из представления» о политически организованном обществе. Не случайно домашние животные и растения, «живя при помощи людей и, в свою очередь, помогая жить людям, проникают так глубоко в общественную жизнь, что составляют даже предмет попечений законодательства».

Если же вводить в структуру политически организованного общества, «наряду с человеческими существами», и отмеченные «остальные, менее жизнедеятельные его единицы», то политически организованное общество «окажется составленным из местных агрегатов в высшей степени жизненных единиц» - людей, «заключенных в обширном агрегате единиц», представляющих собой «различные более низкие степени жизненности. Причем эти низшие единицы производятся, в известном смысле, высшими единицами, видоизменяются ими и получают под их влиянием то или другое расположение в пространстве и времени». Иными словами, политически организованное общество охватывает на его территории не только человеческий коллектив, но и одомашненную людьми природу⁴⁵.

Б.Н. Чичерин указывал, что государство может быть понято не как союз народа, а как система мест и лиц, стоящая над народом и им управляющая. Такое воззрение ведет к ложным последствиям, ибо через это

⁴⁵ Дробышевский С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи : учебное пособие / — 4 е изд., доп. — М. : Норма, 2020. — С. 272-273

граждане перестают быть членами государства; они не входят в его состав⁴⁶. Недостаточность этого понятия очевидна. Народ, устроенный в государство, образует одно целое, в состав которого входят, с одной стороны, «соединяющиеся лица», с другой стороны, «система учреждений, которые служат ему органами. Все это вместе составляет одно юридическое тело, состоящее из лиц и учреждений. Как таковое, оно должно иметь свое название, и это название есть государство». Иными словами, «государство есть союз народа, связанного законом в одно юридическое целое, управляемое верховною властью». И «существенный признак, отделяющий государство от всех других союзов, состоит в том, что все они юридически подчиняются государству, государство же владычествует над всеми»⁴⁷.

Выдающийся политолог начала 20 века, германский ученый М. Вебер одновременно давал определение государства и политики. По мнению М. Вебера, государство, а также «политические союзы, исторически ему предшествующие», представляют собой отношения «господства людей над людьми». Причем если задать «вопрос, что в эмпирической действительности соответствует идее государства» и этих союзов, то обнаружится «бесконечное множество диффузных и дискретных действий ..., либо единичных по своему характеру, либо регулярно повторяющихся». Под политикой же следует иметь в виду только руководство или оказание «влияния на руководство ... государством», равно как и организациями, заменявшими его в догосударственную эпоху.

Государство «нельзя социологически определить, исходя из содержания его деятельности», ибо «почти нет таких задач, выполнение которых» государство не брало бы «в свои руки то здесь, то там». Вместе с тем «нет такой задачи, о которой можно было бы сказать, что она во всякое время полностью, то есть исключительно, присуща ... государствам». Вот

⁴⁶ Чичерин, Б. Н. Философия права / Б. Н. Чичерин. — Санкт-Петербург : Наука, 1998. С. 93.

⁴⁷ Дробышевский С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи : учебное пособие / — 4 е изд., доп. — М. : Норма, 2020. — С. 295-296

почему «дать социологическое определение ... государства можно ..., только исходя из ... применяемого им» для достижения собственных целей специфического «средства - физического насилия ... Государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области» с успехом претендует «на монополию ... физического насилия»⁴⁸.

Говоря о понятии государства, Г. Еллинек признавал другие его понятия неверными. Так, по его словам, ошибочно, что ни в одном из известных определений государства, не упоминается о территории. Ведь без выделенного пространства государство немыслимо⁴⁹.

Причем отмеченное заблуждение существовало в науке и в более ранние эпохи. Например, представление, согласно которому «государство тождественно с составляющими его людьми... положено в основу» идей, «популярных у народов древности... играет значительную роль» в средневековых политических доктринах.

Правда, «сумма индивидов не есть еще государство», даже если предполагается жизнь этих людей на определенной территории. Для его существования необходим народ как «союз лиц», представляющий собой «правовое единство». Государство невозможно без совокупности людей, получившей «корпоративное», основанное на юридических нормах «устройство». Неверно смешивать «рядом стоящих индивидов» с народом в рассматриваемой трактовке. Им «масса становится лишь посредством объединяющей ее организации», когда уже принято определенное решение «относительно... учреждения правительства». Нельзя согласиться с мнением С. Пуфendorфа и Ж.Ж. Руссо, утверждавших о существовании «народа» еще до такого постановления, другими словами, ранее создания в совокупности лиц системы управления.

⁴⁸ Дробышевский С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи : учебное пособие / — 4 е изд., доп. — М. : Норма, 2020. С. 316.

⁴⁹ Сырых, В.М. Проблемы теории государства и права / В.М. Сырых. – М.: Эксмо, 2008. С. 354.

В частности, не соответствует действительности следующее суждение Ж.Ж. Руссо: «Народ... до учреждения правительства решает... согласно принципу большинства». Как полагал Г. Еллинек, именно право государства, где имеется конкретный образ правления, определяет, что народным постановлением «считается воля» известного количества людей. Скажем, речь может идти о большинстве — относительном, абсолютном, двух третях и так далее.. Но «это никогда не разумеется само собою». Вдобавок «и исторически принцип большинства выработался лишь постепенно и во многих случаях вообще не применялся».

Подверг критике Г. Еллинек и трактовку «государства как властителя или власти», т. е. «правительства». Согласно его рассуждениям, упомянутая идея «коренится в популярном представлении... чувственно восприемлемые носители власти во все времена рассматривались массами как олицетворение и потому... истинная реальность государства. В христианском мире это воззрение нашло значительную поддержку в словоупотреблении Нового Завета». Так, «когда Христос метафорически говорит о царствии земном, он называет» последнее «личным господством князя». Впоследствии же «абсолютный монарх сливался в народном» сознании «с абсолютной монархией».

В науку анализируемое понимание государства в виде правителей или власти «проникает через посредство абсолютистской теории». В этом учении во Франции, как его «формулировал Bossuet... прямо» заявлено, «что все государство заключено в лице властителя».

С точки зрения Г. Еллинека, приведенное суждение неверно по простой причине. «Люди, которые приказывают, и те, кто повинуется этим приказаниям, образуют субстрат государства», имеющего, «впрочем, и территорию». Не случайно в приложении к политической практике обсуждаемая идея приводит к абсурдным результатам. Скажем, когда в условиях самодержавия правитель «рассматривается как физическое лицо»,

неизбежен вывод: «Со смертью каждого данного властителя перестает существовать и государство». А это противоречит реальному положению дел.

«В науке... всех времен» присутствует еще одно теоретическое положение, заслуживающее упреки. Оно гласит: «Государство есть организм». Притом нередко подобным образом определяются и «право, хозяйство, отдельные народы, все общество», наконец, «даже человечество». Организмом же начиная с XIX столетия обычно признается «всякое живое существо», хотя раньше он нередко отождествлялся с «мертвым механизмом».

Что касается учения, рассматривающего государство в виде «органического образования в физическом смысле, имеющего свое... независимое от индивидов и управляемое естественными законами бытие», то эта теория ошибочна в силу очевидного обстоятельства. Конструируемого отмеченной доктриной «стоящего рядом с людьми или над ними» мертвого механизма либо «живого существа», обнаруживающего, например, такие «же психические элементы, как у индивидуума», просто нет.

Исходя из подобной логики, считал Г. Еллинек, «следует восстать» и «против учения, предполагающего одновременное, рядом друг с другом, существование нескольких социальных организмов, каждый из которых обнимает в качестве членов тех же индивидуумов, — государства, церкви, союзов». В реальной картине общественной жизни выделенные объединения функционируют иначе.

Равным образом противоречит действительности концепция государства как «коллективного организма». В этой теории оно «заключает в себе» остальные человеческие ассоциации. И всякая такая организация именуется «частичным организмом». На самом же деле существуют многочисленные негосударственные социальные объединения, где

некоторые члены любой из отмеченных структур являются иностранцами друг относительно друга. Образцом может служить, скажем, католическая церковь.

В «органических» учениях Г. Еллинек рассматривал неверным и следующее представление. При признании государства организмом оно иногда «объявляется... независимым от сознания» людей или «отрешенным от человека, находящимся вне сферы его воздействия». Причем предполагается «так называемое естественное... развитие государственных учреждений, которое... не дает возможности выводить их из сознательной разумной воли индивидов, а превращает... напротив, в непреодолимые силы», куда «человеческое усмотрение может внести лишь самые незначительные изменения», поскольку последние «являются устойчивыми».

Разумеется, он опрометчиво игнорировал « тот факт, что конкретные государственные состояния в значительной мере созданы не современностью, а унаследованы от прошлого». Однако нельзя не принимать во внимание и «необходимость для государства непрерывной сознательной, направленной на определенные цели» человеческой «деятельности». Ведь без таковой оно не в состоянии «существовать ни одного момента».

Правда, традиционные характеристики и учреждения государственной жизни во многих случаях сложились в результате активности людей, уже умерших, и поэтому для здравствующих индивидов обречены выступать силой, функционирующей по отношению к ним объективно. Но без сознательных усилий живущих в государстве лиц выделенные черты и структуры не сохранились бы. «Всякая традиция», даже самая могущественная, «действует... только» по причине восприятия «ее каждым последующим поколением... Все, что знали и умели» человеческие индивиды прошлых эпох, «должно... вновь быть внутренне пережито» существующими людьми, «воссоздано» ими «путем изучения и испытания на практике, а эти процессы относятся преимущественно к сфере сознательного».

Как ясно из изложенного, перечисленные изъяны различных органических теорий государства не ставят под сомнение состоятельность всей их совокупности. Вместе с тем в анализируемой доктрине, отмечал Г. Еллинек, присутствует и положение, позволяющее сделать заключение о ее неверности в целом. Он имел в виду следующее: «Последователи органического учения обычно называют отвергаемые ими государственные учреждения и реформы неорганическими, и в самом этом термине уже заключается отрицание всей органической теории. Ибо в жизни организма не может произойти ничего неорганического. Болезнь, уродства, истощение сил и т. д. суть органические процессы».

Однако отсюда не вытекает, что сравнение государства или иного социального образования с организмом не может принести научной пользы. Она, безусловно, нередко налицо, если категория «организм» применяется «как вспомогательное средство для синтезирования явлений» в виде «краткой формулы в высшей степени сложных... массовых процессов». Именно такое использование обеспечило «органическим конструкциям... человеческого общения» долгую жизнь в науке.

По мнению Г. Еллинека, государство есть «нераздельное единство» (с. ряда «элементов», которые «взаимно обусловливают друг друга». Причем «выделить один из них возможно только гипотетически», ибо «каждый... предполагает» остальные. И эти элементы «получают» неодинаковое «выражение в различной культурной среде». Более того, выделяются «ли они и как сознаются» конкретными «народом и эпохой, зависит от характера» рассматриваемых социальной общности и времени.

Все упомянутые элементы представляют собой отдельные «моменты» государства как специфического человеческого «общения», складывающегося из «определенных одновременных исследующих друг за другом действий... людей». Вдобавок указанное взаимодействие выступает в

виде «союза», часто именуемого Г. Еллинеком «организацией» или «корпорацией».

Правда, три последних термина, используемые в данном случае как синонимы, обозначают «лишь родовое понятие, под которое должно быть подведено государство». Ведь союзом является не только «государственная организация». И «многочисленные социальные образования» в ней возможно так определить.

Безусловно, любая корпорация есть объединение людей ради реализации каких-либо целей. Но здесь «необходимо связаны друг с другом единство» этой целостности и «множественность» ее членов. Притом первое «ограничено... исключительно целями союза». Отсюда «индивидуид занимает двойственное положение», являясь, с одной стороны, участником организации, а с другой — «свободной» от упомянутого коллектива и потому самостоятельной «индивидуальностью». Другое дело, что «чем многочисленнее объединяющие цели и.... сильнее их влияние», тем больше «выражено единство» ассоциации.

По взглядам Г. Еллинека, организация имеет и ряд иных черт. Прежде всего союз «нуждается в руководстве единою волею». Ее «представляет союзная власть», которая «может издавать обязательные постановления для членов» корпорации и проводить такие веления в жизнь.

При этом некоторые «естественные индивидуальные волевые акты» участников организации «переносятся» мышлением указанных людей на само объединение, другими словами, «приписываются» рассматриваемому коллективу. В результате часть человеческих поступков понимается как «исходящая» от корпорации и «выражающая» ее единство. Лица же, осуществляющие отмеченные акты, «становятся» при выполнении последних «орудиями воли» объединения, т. е. «органами» ассоциации. Упомянутых индивидов, соединенных друг с другом для руководства организацией, и

именуют «союзной властью». Именно они обладают «способностью» обеспечивать реализацию «своей воли», выражющейся в «нормах» союза, иными членами корпорации. И здесь обнаруживается второй смысл, вкладываемый Г. Еллинеком в понятие власти. Ею является способность выделенных органов направлять поведение участников организации.

Это объединение, естественно, существует в пространстве. Разные ассоциации демонстрируют в анализируемом отношении отличия одна от другой. Скажем, лишь некоторые союзы распространяют свою власть в названной сфере не только на своих членов, но и на остальных людей. Среди этих корпораций Г. Еллинек выделял ассоциации, руководящие человеческими индивидами «независимо от какой бы то ни было территориальной основы», а также еще один род организаций. В нем каждый союз имеет власть главным образом лишь над людьми, которые находятся в пределах известного пространства. Такой род представляет собой совокупность «территориальных» корпораций. Для всякой из подобных структур характерно то, что занимаемое организацией пространство, называемое «территорией», есть элемент самой ассоциации. Вдобавок внешняя для этого объединения власть не может здесь действовать без его разрешения в случае, когда не является высшей или руководящей по отношению к такой организации.

Согласно представлениям Г. Еллинека перечисленные характеристики всех союзов свойственны и государству. Но оно — своеобразная корпорация, имеющая немало особенностей. Так, «государство из всех союзов является наибольшую полноту постоянных целей». И если не считать объединений, где участниками являются отдельные страны, то именно в рамках одной из государственных организаций целиком или частично помещаются остальные корпорации. В последнем случае союз полностью входит в несколько государств.

В отличие от других ассоциаций государственная организация обладает «простирающейся на все стороны человеческой жизни сферою влияния». Государство является также территориальной корпорацией, которой присущ особый характер властования, а именно «господство». Здесь имеются в виду два обстоятельства.

Во-первых, «всякая власть в государстве может исходить только» от этого объединения и подчиняется последнему. Отмеченная корпорация руководит на своей территории остальными союзами. Причем государственная власть — высшая, или «безапелляционная», в том понимании, что предполагает «способность принуждать» людей «к безусловному исполнению» ее «воли... вопреки» велениям иных ассоциаций, равно как и отдельных лиц.

Во-вторых, у государства больше средств влиять на человеческое поведение, чем у других союзов. Любой из них «границу возможного для» себя «самостоятельного проведения» собственных норм «находит» в «свободно подчиняющейся» анализируемому объединению «воле членов» ассоциации. Самое большее, что негосударственная корпорация может сделать «против упорно сопротивляющегося ее велениям» человека, — это «исключение» такого индивида из союза. Государство же способно не только удержать неповинующееся лицо в своих пределах, но и в состоянии разнообразными способами воздействовать на этого субъекта вплоть «до полного уничтожения личности в форме наказания».

Полномочиями по господству государственная организация способна наделить существующую в ней ассоциацию. Скажем, таковые может получить «коммунальный союз» как территориальная корпорация. Но во всех подобного рода ситуациях государство обладает господствующей властью «первой», или «начальной», а иные союзы — только «дериативной», т. е. «производной». И указанное положение «практически доказывается» очевидным фактом: «повсюду» именно государственная

организация «предоставляет или лишает подчиненные» ей «союзы прав господства».

Это и неудивительно. Государство «по самому своему существу» не в состоянии «признать» на собственной территории «самостоятельную господствующую власть», противостоящую рассматриваемому объединению в качестве «непреодолимой границы» его полномочий⁵⁰.

Государственная организация выступает и территориальной корпорацией, где действует принцип «непроницаемости». Он гласит: на той или иной конкретной «территории может развить свою власть только одно государство». Так обстоят дела в силу двух факторов. Прежде всего «только эта пространственная... исключительность» дает государству «возможность совершенного осуществления» его целей. Вдобавок «между несколькими независимыми друг от друга» государственными организациями «на одной... территории была бы неизбежна постоянная борьба не только вследствие противоположности интересов, но уже потому, что невозможно было бы избегнуть пререканий о компетенции, для разрешения которых не существовало бы никакого судьи».

По учению Г. Еллинека, государство как обладающая первичной господствующей властью территориальная корпорация включает немало элементов. Например, сюда относится право, представляющее собой совокупность «норм», исходящих от отмеченной ассоциации. Право — «существенный элемент» государственной организации. Вот почему ненаучным «следует признать учение о государстве, пренебрегающее» правом данного сообщества.

Из всех элементов исследуемого союза «принципиально необходимыми... являются... территория... народ», или «население», и сама «государственная власть», идея которой «уже заключает в себе... понятие

⁵⁰ Еллинек, Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек. – Изд. 2-е, испр. и доп. – С-Пб.: Н.К. Мартынов, 1908. С. 337.

правового порядка». Причем упомянутое единство государства, выступающее особенностью этого объединения, обнаруживается также на уровне только что выделенных трех элементов. Каждый из них, подобно самой государственной организации, «неделим».

Понимание приведенного факта возникло сначала применительно к территории. Некогда государства делились по наследству, и такое разделение признано было вредным, а затем и недопустимым. В последующем сложились идеи о единстве государственной власти, равно как и народа⁵¹.

Что касается территории государства, то это есть «пространственно ограниченная область» его «исключительного властования». В указанной сфере руководящей структуре, не подчиненной отмеченной корпорации, «запрещено осуществлять свое господство без прямого разрешения» последней. Не случайно постоянно живущие в государственной организации люди, которые уехали на некоторое время из ее пределов, в период своего отсутствия «не подчинены» упомянутому объединению «в той же мере», как воздержавшиеся от такого шага. Выделенное исключительное властование обнаруживается и в другом факте. «Какие бы территориальные союзы ни существовали в пределах государства, территория их всегда является... государственной».

Господство над людьми в рамках рассматриваемой области исключительного властования оказывается возможным в силу того, что человеческие индивиды обитают оседло. Вот почему, по выражению Г. Еллинека, территория выступает «пространственным основанием для осуществления» государственной власти над ними. Сама же «оседłość делается признаком... государства».

Совершенно «отрешенной» от людей территория быть не может. Так обстоят дела и при отсутствии на ней постоянных жителей. Ведь в подобных

⁵¹ Еллинек, Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек. – Изд. 2-е, испр. и доп. – С-Пб.: Н.К. Мартынов, 1908. С. 339.

обстоятельствах «незаселенная территория является всегда возможной сферой осуществления государственной власти». И эта реализация по отношению к лицам, временно находящимся в указанном регионе, не отличается от происходящей в постоянно обитаемой области⁵².

«Веления государства должны осуществляться» на его территории. Названные предписания призваны «обеспечивать данное состояние» рассматриваемого пространства, «вызывать» здесь необходимые изменения. «В этом смысле можно говорить о территории как объекте государственного господства»⁵³.

Оно применительно к упомянутой области во всех случаях является опосредованным. «Государство никогда не может господствовать» над «территорией непосредственно, помимо» людей. Причина очевидна. В данной ситуации подразумевается присущая государственной организации «власть повелевать». Приказывать же возможно «только» человеческим индивидам. Отсюда территория в состоянии быть объектом анализируемого господства лишь постольку, поскольку государство повелевает «людям воздействовать на нее известным образом». Иными словами, «не может существовать... территориального верховенства» государственной организации, «отдельного» от власти «над лицами».

Господство такой корпорации предполагает обеспечение «неприкосновенности» обсуждаемой области исключительного властования от любых посягательств извне со стороны отдельных людей либо организаций, в том числе государств. И, как писал Г. Еллинек, «при осуществлении в этом направлении территориального верховенства речь идет... не о праве запрещать чужие действия, аналогичном соответственному» полномочию «собственника, а о притязаниях» иного рода. «Бытие самого государства, а не обладание принадлежащей ему вещью,

⁵² Нерсесянц В. С. Философия права. Москва, 1998. С. 221.

⁵³ Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учебник / В.С. Нерсесянц. - Москва: ИНфра-М, 2010. С. 103.

порождает» необходимость для указанного объединения отстаивать свою «территориальную неприкосновенность». Так что нарушение последней есть посягательство именно на государственную организацию, а не на какую-либо собственность упомянутой ассоциации.

Человеческие индивиды, в ней живущие, образуют население. Притом «количество необходимых для государства людей может быть... бесконечно разнообразным — от нескольких... сотен до многих миллионов».

По словам Г. Еллинека, «в силу своего человеческого элемента» государственная организация выступает «социально-массовым явлением». Здесь «представлены» общественные, равно как и «все естественные различия между людьми». В частности, государство «есть постоянное, не ограниченное одним поколением учреждение. Колония ссыльных мужчин, предоставленная самой себе на необитаемом острове», не «может быть признана» государственной организацией.

Функционирование этой корпорации «определяют», помимо социальных характеристик людей, «естественные свойства», равно как и «расположение на местности, а также количество» народа. «Редкое или густое, недостаточное или избыточное население, распределение его по возрасту и полу, продолжительность жизни, смертность — все это факты, оказывающие влияние на судьбы государств».

Объединяют человеческих индивидов в народ разные факторы. Из них решающим является право, общее для всех этих людей. Так, в результате правового регулирования члены существующих в государстве союзов есть в то же время его подданные⁵⁴.

Но и другие обстоятельства вносят в единство населения свой вклад. Скажем, без самого существования человеческих индивидов в пределах

⁵⁴ Поляков А. В. Общая теория права. Санкт-Петербург, 2001. С. 75.

конкретной местности и в известный период времени сплачивание отмеченных лиц в народ немыслимо.

Этого же рода фактором выступает биологическое родство людей. Как отмечал Г. Еллинек, «народ представляется... единством», ибо «он возникает... каузальным путем происхождения». Правда, «при образовании новых государств или расширении территории» уже существующих подобных сообществ только что приведенный «фактор либо отпадает, либо значение его уменьшается». Впрочем, «это в меньших размерах происходит и при нормальных обстоятельствах вследствие эмиграции или иммиграции».

Присутствующие в государстве люди выполняют две «функции» — властования в данной ассоциации, а также подчинения указанному господству. Причем вторую реализуют находящиеся здесь человеческие индивидуумы без какого-либо исключения, т. е. как «вся совокупность участников государственного общения». По выражению Г. Еллинека, лишь «в этом смысле... слово «народ» приобретает юридическое значение».

Индивидов же, управомоченных осуществлять государственную власть, во многих случаях меньше. Например, на ряде этапов политической эволюции из взрослых разумных людей, взаимодействующих в государстве, такую роль обычно не были способны реализовать «иностранные».

Да и иных социальных групп, подчиненных государственной организации, однако не властующих в ней, история знает немало. Например, сюда относятся индивиды, лишенные «покровительства закона... в древнегерманском праве».

Даже «в силу самой идеи демократической республики отнюдь не необходимо... чтобы политическими правами пользовались все» ее «жители». Эти полномочия здесь «должны принадлежать только членам государства». Не случайно «нередко высказывавшееся» суждение, согласно которому «античные демократии вследствие» наличия «в них политически бесправных

масс рабов были аристократиями, представляется... неправильным... Точно так же рабовладельческие штаты» США не являлись «аристократиями в правовом смысле».

Другое дело, что государственная организация невозможна без коллектива обладателей ее власти в составе населения.

Способные властвовать в нем индивиды не равны по своим полномочиям. Скажем, подчас выделяются люди, имеющие возможность быть введенными в некоторые высшие руководящие структуры этого сообщества и лишенные таковой. При этом в «современной» для начала XX в. государственной организации в результате «развития... культуры» утвердилось следующее положение. Любой человек выступает хотя бы в минимальной степени властвующим по отношению к рассматриваемой ассоциации. Речь идет о признании его «лицом», т. е. «обладающим сферою публичных прав индивидом».

По взглядам Г. Еллинека, государственная власть как элемент анализируемой корпорации имеет ряд свойств. В частности, к ним относится суверенитет.

Это свойство вытекает из специфики государства по сравнению с другими союзами. В отличие от остальных корпораций государственная организация функционирует таким образом, что никому не подчиняется, если не желает. Отсюда ее власть оказывается одновременно «независимой и верховной... Первый признак проявляется преимущественно вовне, в сношениях... государства» за пределами территории отмеченного союза. Второй, в ее границах. Причем «оба признака неразрывно связаны» и характеризуют государственную власть в качестве обладающей суверенитетом.

Однако ее рассматриваемое свойство имеет и другие проявления,нередко по-разному описываемые учеными. Например, существует мнение,

что «суверенитет должен означать также неограниченную и не могущую быть ограниченной власть вообще». В самом деле, согласно характеризуемой теоретической позиции указанное господство «абсолютно», ибо «никто» не в состоянии его «умалить», включая само государство.

Правда, приверженцами излагаемого воззрения признаются «фактические» и «этические» ограничения государственной власти. Отрицаются же лишь «правовые» ее пределы. По словам Г. Еллинека, здесь подразумевается следующее: «если государство и не осуществляет никогда всего», что для этого союза «юридически возможно, то все же не существует ничего такого, что для» анализируемой корпорации или союза «было бы юридически невозможно»⁵⁵.

Приведенная точка зрения, полагал он, исходит из верной предпосылки. Действительно, суверенитет есть правовое понятие, ибо обсуждаемое свойство государственной власти проявляется в ее способности к «самоопределению... путем установления правопорядка». И, безусловно, при этом государство государства безгранично «в том смысле, что... юридически» никто «не может воспрепятствовать» отмеченному объединению формулировать нормы права. Но во всех иных отношениях государственная власть не характеризуется «всемогуществом» при осуществлении правового регулирования.

Ее суверенитет «несовместим, правда, с абсолютными» юридическими «ограничениями. От всякой поставленной им самому себе границы государство может себя освободить, но только в формах права и создавая новые границы. Не то или другое отдельное ограничение, а самый факт ограниченности есть нечто постоянное. Как не существует абсолютно ограниченного, так не существует юридически и абсолютно неограниченного... государства».

⁵⁵ Дробышевский С.А. Способы восполнения пробелов в праве: монография / С. А. Дробышевский, Е. Ю. Тихонравов. – Москва: Норма. 2014. С. 77.

Это объясняется просто. Формулируя правовые нормы, «государство юридически... обязывает и... лиц, которые служат его органами, сообразовать их волю с велениями» упомянутых правил. Вместе с тем «так как воля органа есть воля государства», последнее, «обязывая свои органы, связывает само себя». Не случайно, по выражению Р. Иеринга, «право в... полном значении слова» предполагает «самоподчинение государственной власти закону, исходящему от нее самой»⁵⁶.

Выделенное «самоограничение не представляется произвольным». Ведь наличие «его не зависит от усмотрения» государственной власти.

Притом «в акте правосозидания... государство принимает по отношению к подданным обязанность... осуществлять» сформулированные юридические правила. Таким образом, указанные лица получают «гарантию», что именно действующее право станет «основанием» выносимых относительно них решений суверенной власти.

Иными словами, «всякая» сформулированная в государстве юридическая «норма» имеет непременный результат. Она «дает» подданным «право ожидать»: рассматриваемое правило «ненарушимо будет применяться до тех пор, пока не» окажется правомерно отмененным. Вытекающей отсюда «уверенностью в ненарушимости правопорядка в значительной мере обуславливается необходимая для каждого отдельного лица» из отмеченной категории «возможность» предвидеть «свои действия и их последствия».

Суверенная власть связана не одними внутригосударственными юридическими нормами. Ведь и международное право действует для любого государства в том объеме, в каком представляет собой установления власти указанного союза. Вот почему таковая применительно к ним остается подчиненной «только своей собственной воле».

⁵⁶ Исаев И.А. История политических и правовых учений России : хрестоматия / И. А. Исаев, Н. М. Золотухина. – Москва: Юристъ, 2003. - 506 с.

Именно выделенным «путем возможно юридически обосновать международное право» как нормы, исходящие от государственной власти. Однако здесь более уместен другой логический вывод Г. Еллинека из рассуждения в предшествующих абзацах. «Признавая международное право и предпринимая на основании этого признания определенные связывающие его действия, государство в силу своей правовой власти ограничивает само себя».

Понятие суверенитета имеет «чисто формальный характер». Оно «не определяет содержания... границ, которые» государственная власть «себе ставит», а также «процесса установления» указанных пределов, и в рассматриваемом отношении дает возможность понять лишь одну вещь. «Всякая выраженная в» юридических «формах воля государства приобретает силу права».

Причем суверенитет не поддается увеличению, ибо «логически представляет превосходную степень», не способен к «раздроблению и терпит рядом с собою только однородные величины того же вида». Могут функционировать бок о бок «много суверенных государств, но отнюдь не в качестве носителей одной... государственной власти. Не существует... суверенитета разделенного, фрагментарного, уменьшенного, ограниченного, относительного».

Государство в состоянии — «в пределах установленных или признанных им самим правовых границ — совершенно свободно нормировать содержание своей компетенции». Но всякое отмеченное объединение в любой исторический период имеет вполне определенную совокупность властных полномочий по осуществлению правового регулирования.

Разумеется, соответствующая государственная власть способна увеличить количество таковых и придать каждому больший объем. Однако,

пока это не осуществлено, «то, что государство может приобрести путем возможного расширения» собственной «компетенции, относится не к его правовой сфере». И в данном факте находит одно из конкретных проявлений упомянутая относительная ограниченность возможностей государственной власти в юридическом отношении, которая охватывается понятием суверенитета.

Предполагаемые последним независимость государства от любых ассоциаций и индивидов вне территории анализируемого союза, а также господство этого объединения внутри отмеченного пространства являются именно правовыми, а не иными. В частности, применительно к положению страны в международном взаимодействии суверенитет не противоречит «широкой политической зависимости». В случае наличия выделенной несамостоятельности у конкретного участника такого общения он выступает суверенным, т. е. в качестве государства, когда сохраняет «исключительное правовое господство» над своими территорией и населением, несмотря на подверженность неюридическому влиянию от внешних сил.

По представлениям Г. Еллинека, слагающейся из названных элементов определенной государственной организации необходимо «занимать... место в самом праве» данного сообщества. Иными словами, «должно существовать правовое понятие государства». Причем «возможна троякого рода юридическая конструкция» указанной ассоциации. Государство есть либо «правоотношение», либо «объект», либо, наконец, «субъект права».

Первое из приведенных определений некорректно уже потому, что «правоотношения не могут иметь прав и обязанностей». Государства же ими обладают. Вдобавок правоотношения не способны «объявлять войны и заключать договоры», а государственные организации это делают.

Вторая дефиниция ошибочна по другим причинам. Прежде всего «всякий объект права предполагает субъекта», которым «могут

быть...руководящие государством люди». В результате при анализируемом определении государственная организация «разрывается» и ей «противополагается один из... существенных элементов» этой целостности. К тому же рассматриваемая дефиниция «несовместима» с очевидным фактом. Речь идет о признании «государством подданных субъектами права.

Остается, таким образом, только третье юридическое определение государственной организации из отмеченных. Ее дефиниция «как правового субъекта» является удовлетворительной по крайней мере в силу двух обстоятельств. Во-первых, «если государство есть союз, представляющий коллективное единство», то подобного рода образования «не менее способны быть субъектами права, чем человеческие индивиды». Во-вторых, это определение позволяет «юридически» отразить «единство» государственной «организации и порождаемой ею воли», совместимое «с самостоятельностью... членов» рассматриваемого объединения.

Отсюда государство может быть описано в правовых нормативных актах «только как субъект права». Причем, выражаясь «точнее», это объединение «должно быть подведено под понятие корпорации». Правда, «государство самым различным образом индивидуализируется» на практике. Вот почему возможны неодинаковые формулировки его понятия в разных системах права.

Что касается терминов для обозначения государственной организации, то их, отмечал Г. Еллинек, имеется немало. Самое распространенное наименование, применяемое с такой целью в XX в., возникло в эпоху Возрождения на Апеннинском полуострове. Здесь «из имевшего многочисленные значения слова *stato*, первоначально присоединяемого к названию города (*stato di Firenze* и т. д.), образуется затем совершенно отвлеченный термин». Он «в начале XVI столетия» в пределах территории нынешней Италии «является уже общепризнанным... для обозначения всякого государства». Причем в течение этого и следующего веков

выделенное наименование «проникает» во многие западноевропейские страны, утверждаясь как норма для соответствующих языков. Скажем, «в Англии уже Шекспир» по отношению к государству «часто употребляет слово state».

В качестве синонимов рядом с ним используются и другие термины. Например, «в Америке принято» называть «государство... body politic», или политическим телом. Повсеместно оно нередко именуется и «державою», когда взаимодействует с подобными объединениями. Кроме того, для обозначения государства употребляется слово «народ», интегрированное, например, в «изобретенный Бентамом термин» «международное право». Впрочем, заметил Г. Еллинек, так называть совокупность норм, регулирующих общение существующих в мире стран, «неточно... Вернее было бы... говорить о межгосударственном праве. Но терминология не всегда следует логике».

Согласно его взглядам «в научном отношении» для обозначения государства «ни один термин не представляет таких удобств», как тот, который в итальянском языке представлен словом «stato», во французском — «estate», а в английском —«state». Причина проста. Это название «настолько уже отвлеченное, что с ним не связываются более какието побочные представления, которые делали бы его двусмысленным и потому неудобным».

В отношении перечисленных языков с Г. Еллинеком следует согласиться. Однако в русском налицо иная ситуация. Здесь слово «государство» лишено отмеченного достоинства приведенных итальянского, французского и английского терминов. В самом деле, по русски «государь» есть глава монархического правления, царь. Поэтому слово «государство» неизбежно может быть понято как царство или монархия⁵⁷.

⁵⁷ Дробышевский С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи : учебное пособие / — 4 е изд., доп. — М. : Норма, 2020. — С. 337-352

Обсуждаемые выше проблемы волновали и Г. Кельзена, что отразилось в его работах. Кельзен считал ошибочной распространенную в юриспруденции идею, что государство как коллективное целое, выступающее в качестве субъекта воли и действий, существует независимо от права и даже предшествует последнему. Причем государство выполняет свою историческую миссию, создавая право, свое право, объективный правопорядок, а затем само ему подчиняется, т.е. обязывает и управомочивает себя посредством собственного права⁵⁸.

По мнению Г. Кельзена, государственное объединение следует понимать не в виде «независимой от права социальной реальности». Прежде всего нужно исходить из того, что государство есть организованная человеческая группа. Поэтому ему свойственны черты, характерные для такой ассоциации. В частности, отмечал Г. Кельзен, «когда люди живут вместе в группе, здесь возникает идея, согласно которой определенное поведение является хорошим, а иное – плохим. Другими словами, члены группы должны вести себя при конкретных условиях специфическим образом. В результате индивидуум, желающий в указанных обстоятельствах противоположного поведения и действительно ведущий себя в соответствии с личным желанием, понимает, что поступал не так, как ему следовало». Это означает наличие в сознании членов группы «норм, регулирующих их взаимную деятельность».

Таким образом, по Г. Кельзену, всякая социальная организация существует как нормативное регулирование поведения входящих в нее лиц, на основе вырабатываемых в ходе отмеченного упорядочения социальных норм. «Если говорится, - заявлял он, - что определенное общество конституируется нормативным порядком, регулирующим взаимную деятельность множества людей, то нужно осознавать: порядок и общество –

⁵⁸ Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. — СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. С. 39.

не две различные вещи, а одна и та же; общество ничего не включает, кроме этого порядка».

Отсюда неизбежно заключение. Ассоциация человеческих индивидуумов или, выражаясь иначе, организованная группа либо общество функционирует в качестве нормативного порядка.

Но государство – ассоциация, существующая как регулирование поведения охватываемых ею лиц прежде всего на базе права. Поэтому сделанный вывод справедлив и для государственной организации. Она представляет собой нормативный порядок. Притом этот порядок – специфический⁵⁹. Государство, по словам Г. Кельзена, «является корпорацией, т.е. сообществом, конституированным нормативным порядком, который создает органы, прямо или косвенно призванные осуществлять свои функции в соответствии с принципом разделения труда. Порядок, конституирующий это сообщество, есть правовой порядок». Вот почему верно утверждение: государство суть правопорядок и наоборот. Такова «предпосылка истинной юридической науки». Следовательно, «никогда не бывает (да и не может быть), чтобы государство, существующее до права, сначала создавало право, а потом ему подчинялось».

Согласно взглядам Г. Кельзена, правовой характер государственной организации проявляется во всех ее фундаментальных свойствах. И это относится к двум основным трактовкам понятия государства в юриспруденции – широкой и узкой. Речь идет соответственно о понимании государственной организации в смысле объединения людей, живущих на определенной территории под властью независимого правительства, с одной стороны; и об управляющем выделенной ассоциацией «бюрократическом аппарате», также часто рассматриваемом в виде государства, с другой. С

⁵⁹ Чистое учение о праве Ганса Кельзена / В.Н. Кудрявцев, Н.Н. Разумович // Сборник переводов. Вып. 2. – М.: АН СССР, 1988. С. 77.

точки зрения Г. Кельзена, эти структуры связаны в качестве «целостного» и «частичного» правопорядков.

Как он констатировал, «государство обычно называют политической организацией», выражая идею, что всякая такая корпорация «есть порядок принуждения». Однако здесь подразумеваются «принудительные акты», которые именно право «связывает с предусмотренными им условиями»⁶⁰.

Государственную организацию именуют и обладающей суверенитетом. Приведенное свойство государства тоже выражается через право. Во всяком случае, суверенитет означает, что осуществляющее государственное управление правительство не подчинено праву никакого другого государства.

Правовая природа государственной организации обнаруживается и иначе. Например, по «традиционной теории, государство как социальное единство состоит из трех элементов: населения, территории и ... государственной власти». Но «выделенные элементы могут определяться только юридически».

Скажем, население – это люди, принадлежащие к государству. И на вопрос о том, почему конкретные человеческие индивидуумы характеризуются указанным образом, возможен единственный ответ: они подчиняются одному праву. «Попытки найти какую-либо иную связь, объединяющую лиц с разными языками и взглядами, разделенных расовыми и религиозными барьерами, взаимоисключающими интересами и классовыми противоречиями, обречены на неудачу».

Государственная территория есть «определенным образом ограниченное пространство». Причем «ясно, - полагал Г. Кельзен, - что ее единство - отнюдь не естественно-географическое». Границы государства устанавливаются на основе права. Не случайно одна государственная

⁶⁰ Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник – Москва: Эксмо, 2017. С. 212.

организация может включать районы, разделенные местностями, которые принадлежат другим подобным ассоциациям.

Относительно же власти государства очевидно, что «государственно-властные отношения отличаются от остальных властных отношений» следующим. Люди, осуществляющие государственную власть, во-первых, уполномочены это делать правом и, во-вторых, выполняют свои государственно-властные функции посредством правотворческой и правоприменительной деятельности.

К тому же государственная власть «может выражаться только в специфических средствах: в крепостях и тюрьмах, в пушках и виселицах», в иных сооружениях и механизмах. Но все это – «мертвые предметы; они становятся орудиями государственной власти» лишь при одном условии: когда ими пользуются действующие в соответствии с правом человеческие индивидуумы, которые зачастую «одеты в полицейскую и солдатскую форму». Поэтому государственная власть по своей сути оказывается действенностью права.

Осуществляющий эту власть человеческий коллектив выступает как система государственных органов. Причем функционирование в качестве таковых группы индивидуумов означает, что усилия последних по правотворчеству, применению и соблюдению права приписываются всей государственной организации. Отсюда в работниках аппарата государства оно олицетворяется. И государственная организация может быть определена в виде персонифицированного правопорядка.

Если бы в его пределах упомянутые усилия по правотворчеству, применению и соблюдению права реализовывались одним-единственным человеком, то такой гипотетический правопорядок являлся бы полностью централизованным. Наоборот, подобная структура была бы абсолютно децентрализованной в случае, когда указанной деятельностью занимались бы

входящие сюда люди без какого-либо исключения. Однако, по учению Г. Кельзена, в реально существующей государственной организации оба эти варианта невозможны. Она неизменно функционирует как относительно централизованный персонифицированный правопорядок, характеризующийся наличием совокупности лиц, которые выполняют общегосударственные задачи, в том числе по правотворчеству и правоприменению.

Традиционная теория государства, писал Г. Кельзен, просматривает факт, что эта корпорация присутствует во времени, ибо конкретные государственные ассоциации возникают и исчезают. В силу отмеченного обстоятельства существенной чертой государства являются временные рамки его наличия в истории. И правовая природа государственной организации также здесь обнаруживается. Ведь вопрос о временных границах от появления до разрушения государства – исключительно правовой.

Наконец, в соответствии с взглядами Г. Кельзена, последнее фундаментальное свойство государственной ассоциации, равным образом демонстрирующее ее правовой характер, - действенность или эффективность на занимаемом пространстве. Оно означает: не может быть названа государством организация, которая в целом не обеспечивает в своих территориальных пределах реализацию собственного права. Так что живущим в ней людям не гарантируется «минимум коллективной безопасности» или мира, «который есть условие существования относительно устойчивого сообщества, конституированного нормативным порядком». Вместе с тем, безусловно, представляет собой государство ассоциация, где сформулированное право в основном не остается пустыми словами, а создает подобного рода замиренное пространство для входящих сюда человеческих индивидуумов⁶¹.

⁶¹ Дробышевский С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи : учебное пособие / — 4 е изд., доп. — М. : Норма, 2020. — С. 630-633

Осмысление приведённых идей из истории политических и правовых учений позволяет сформулировать ряд суждений. Речь идёт о следующем.

Цель суверенной власти как системы органов управления всем обществом не может не включать цели руководимых ею организаций, если эти ассоциации рассматриваются суверенной властью как действующие правомерно⁶². Скорее всего, таково содержание идеи общего блага политически организованного общества, которую призвана проводить в жизнь суверенная власть при правовом регулировании. Иными словами, суверенная власть формулирует идею общего блага, исходя из целей всех находящихся под ее руководством социальных организаций, существующих правомерно.

Естественно, что указанная идея является уникальной в каждом обществе по очевидным причинам. И перечень действующих здесь правомерно организаций свойствен только ему, и всякая из этих ассоциаций ставит перед собой цели, не совпадающие полностью с целями однотипных организаций в иных обществах.

Политически организованное общество есть организация составляющих её организаций. Именно отсюда вытекает присущее ему распределение функций по социальному управлению посредством нормативного регулирования.

Это распределение функций предполагает, что суверенная власть отстаивает в ходе осуществляемого её нормативного регулирования упомянутую идею общего блага. Остальные же организации в процессе своего им нормативного регулирования реализуют более узкие цели, ради претворения в жизнь которых каждая из этих ассоциаций в обществе была создана.

⁶² Сырых, В.М. Проблемы теории государства и права / В.М. Сырых. – М.: Эксмо, 2008. С. 300.

Чтобы суверенная власть могла осуществить отмеченную её функцию, необходимо следующее. Нормативное регулирование суверенной власти должно быть руководящим, а нормативное регулирование остальных организаций подчинённым ему. Это означает, что при противоречии норм, установленных суверенной властью, и норм, установленных органами управления, к ней не относящимся, действуют первые указанные правила, а не вторые⁶³.

Такое положение обеспечивается просто. В обществе устанавливается монополия на физическое принуждение одной структуры. Последняя и есть суверенная власть. И она не была бы таковой без указанной монополии.

Разумеется, любая организация, не охватываемая суверенной властью, может применить принуждение к своему члену. Но оно не должно быть физическим. Применение последнего есть лакмусовая бумажка, показывающая отступление организации от упомянутой идеи общего блага.

⁶³ Дробышевский С.А. Историческое место политической организации общества и права: некоторые спорные вопросы // Правовое государство: проблемы формирования / под ред. В.К. Бабаева. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1992. С. 42.

2. Право и его регулирующее воздействие на организации

2.1. Право и его регулирующее воздействие на организации в истории политико-юридической мысли

Согласно взглядам Фомы Аквинского, по своей функции в государстве право выступает как «некоторый вид плана, направляющего к цели действия» людей. Оно есть «норма и мера актов, посредством которых человек побуждается действовать или удерживается от действий»⁶⁴. При этом всякая норма права представляет собой «промульгированный указ разума для общего блага граждан государства, созданный тем, кто несет на себе заботу об этом сообществе».

По мнению Фомы Аквинского, правовая норма отличается от функционирующих в пределах государства неюридических правил поведения двумя чертами. Во-первых, она создается государственными органами, а не иными общественными учреждениями. Во-вторых, правовая норма является обязательной в предусмотренной ею ситуации для всех граждан государства, а не для их части. Естественно, что Фома Аквинский считал неверным такое утверждение из известной ему научной литературы: «Точно так же, как суверен государства управляет государством, и каждый отец семьи управляет своим домом. Но суверен государства может создавать нормы права для государства. Поэтому и каждый отец семьи может создавать нормы права для своего дома». С точки зрения Фомы Аквинского, это положение не соответствует действительности, поскольку « тот, кто управляет семьей, хотя и может отдавать определенные команды или давать указания, но не такие, которые ... имеют силу права»⁶⁵.

⁶⁴ Марей А. Фома Аквинский и европейская традиция трактатов о правлении // Социологическое обозрение. 2016. №2. С. 74-82.

⁶⁵ Дробышевский С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи : учебное пособие / — 4 е изд., доп. — М. : Норма, 2020. — С. 81-82

Социальная организация не может существовать без норм права. Это утверждение отстаивал, например, Дж.Локк⁶⁶. По мнению Д. Локка, политическая организация общества «налицо там и только там, где ... общество» устанавливает «постоянные правила ... и с помощью людей, получивших от общества полномочия проводить в жизнь эти правила, разрешает все разногласия, которые могут возникнуть между любыми членами этого общества в отношении всякого правового вопроса, равно как и наказывает те преступления, которые любой член общества совершил по отношению к обществу, такими карами, которые установлены законом. Вследствие этого легко различить, кто находится ... вместе в политическом обществе». А именно это «те, кто объединены в одно целое и имеют общий установленный закон и судебное учреждение, куда можно обращаться и которое наделено властью разрешать споры между ними и наказывать преступников». Правление же «без законов ... представляет собой тайну в политике, непостижимую для человеческого разумения и несовместимую с человеческим обществом»⁶⁷.

В 18 веке о необходимости правового регулирования в государстве писал Ш. Монтескье: «общество не может существовать без правительства», а «политическая власть необходимо предполагает союз» некоторого количества семейств. Государство же есть не иное, как сам такой союз, «великая семья, охватывающая все отдельные семьи». В ней, если она правильно организована, «каждый, думая преследовать свои личные интересы, по сути дела стремится к общему благу». Причем правильная организация государства отнюдь не исключает противоречия устремлений отдельных граждан и их групп. Более того, надлежащим образом устроенное государство – «это гармонический союз, который заставляет содействовать благу всего общества все части, какими бы противоположными они нам ни

⁶⁶ Локк, Д. Два трактата о правлении. / Д. Локк // Сочинения в 3 томах. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. С. 105.

⁶⁷ Дробышевский С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи : учебное пособие / — 4 е изд., доп. — М. : Норма, 2020. — С. 132-133

казались, подобно тому как диссонансы в музыке содействуют общему аккорду». Иными словами, в правильно организованном государстве «дело обстоит так же, как с частями вселенной, вечно связанными друг с другом посредством действия одних частей и противодействия других».

Как полагал Ш. Монтескье, государство немыслимо без правового регулирования, представляя собой «общество, где есть законы». Любой из них, «говоря вообще, есть человеческий разум, поскольку он управляет всеми народами земли». Законы делятся на политические, «определяющие отношения между правителями и управляемыми», и гражданские, которыми «определяются отношения всех граждан между собой». Обе эти категории законов «должны быть не более как частными случаями приложения» человеческого разума к свойствам «народа, для которого они установлены»⁶⁸.

В Дигестах Юстиниана речь идет о различных совокупностях правовых норм. Среди таковых право цивильное, публичное, частное и естественное. Притом в последнем выделена особая часть. Она названа правом народов⁶⁹.

Определения перечисленных совокупностей норм даны рядом классических древнеримских юристов. Так, Ульпиан отметил, что «публичное право... относится к положению... государства». Частное же – к отдельным лицам.

«естественное право – ... то, которому природа научила все живое». Оно «присуще не только человеческому роду, но и всем животным... Право народов- ... то, которым пользуются народы человечества». Если первое «является общим для всех животных», то второе – «лишь для людей в их отношениях между собой».

По словам Гая, «все народы, которые управляются, но основании законов... пользуются частью своим собственным правом, частью правом

⁶⁸ Дробышевский С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи : учебное пособие / — 4 е изд., доп. — М. : Норма, 2020. — С. 139-140

⁶⁹ Коркунов Н.М. История философии права. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1908. С. 178.

общим для всех людей... То право, которое каждый народ установил для себя, ... называется цивильным...; ... то же... которое естественный разум установил между всеми людьми, ... называется правом народов».

Согласно взглядам Папиниана «цивильное право – это то, которое происходит из законов». Оно же закреплено в иных формальных источниках юридических норм всякого конкретного государства.

Причем, как заметил Ульян, «цивильное право не отделяется всецело от естественного... и не во всем придерживается его». Когда «мы что-либо прибавляем к» естественному «праву или что-нибудь из него исключаем, ... мы создаем ... цивильное право».

В ходе такой деятельности, по словам Гая, нормами цивильного права «не прекращаются те обязательства, которые должны быть понимаемы как устанавливающие естественную ответственность, ибо государственные соображения не могут опорочить естественные права». Например, иск о приданом, поданный женщиной после ограничения ее правоспособности, «имеет силу»⁷⁰.

О естественном праве. Т. Гоббс рассматривал естественное право как воспринятые в качестве общеобязательных норм гражданами государства его закономерности. Эти нормы гарантируют гармоничное функционирование государственной организации как целого. В наиболее общем виде естественное право может быть выражено в виде формулы: «Не делай другому того, чего ты не желал бы, чтобы было сделано по отношению к тебе». Она конкретизируется в ряде менее абстрактных положений. Основные из них таковы.

Во-первых, «всякий человек должен добиваться мира» в отношениях с другими людьми, «поскольку у него есть надежда достигнуть его», а также «приоравливаться ко всем остальным». Более того, «при наличии гарантии в

⁷⁰ Дробышевский С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи : учебное пособие / — 4 е изд., доп. — М. : Норма, 2020. — С. 70

отношении будущего» ему следует «прощать прошлые обиды тем, кто, проявляя раскаяние, желает этого».

Во-вторых, «люди должны выполнять заключенные ими соглашения». В этой норме естественного права «заключаются источники и начало справедливости. Ибо там, где не имело места предварительное заключение договора, ... каждый человек имеет право на все и, следовательно, никакое действие не может быть несправедливым. Определением же несправедливости является ... невыполнение договора. А все, что не несправедливо, справедливо». Поскольку же соглашения могут соблюдаться лишь там, где есть власть, то прежде чем «слова справедливое и несправедливое могут иметь место, должна быть какая-нибудь принудительная власть». Эта власть «угрозой наказания, перевешивающего благо, ожидаемое людьми от нарушения ими своего соглашения», принуждает «в одинаковой мере людей к выполнению их соглашений». Причем «таковы уж нравы людей», что «иногда ... невозможно добиться справедливости без подкупа».

В-третьих, при отмщении за причиненный вред «люди должны сообразовываться не с размерами совершенного зла, а с размерами того блага, которое должно последовать за отмщением».

В-четвертых, «ни один человек не должен делом, словом, выражением лица или жестом выказывать ненависть или презрение другому». Напротив, ему следует стремиться продемонстрировать окружающим свое уважение. Такая цель будет достигнута, если индивид будет осознавать, что «просить другого о какой-либо помощи - значит оказывать ему уважение, ибо это свидетельствует о мнении просящего, что другой имеет возможность помочь ему, и, чем с большими трудностями связана эта помощь, тем больше оказываемое уважение. Повиноваться кому-либо - значит оказывать ему уважение, ибо никто не повинуется тому, кто, по его мнению, не имеет возможности ни помочь, ни вредить ему. И, следовательно, не повиноваться -

значит оказывать неуважение. Делать большие подарки человеку - значит оказывать ему уважение, ибо это есть покупка его покровительства и признание его могущества. Делать малые подарки - значит оказывать неуважение, ибо это есть лишь милостыня и свидетельствует о мнении дарящего, что он нуждается лишь в малой помощи. Быть усердным в содействии благу другого или льстить ему - значит оказывать уважение, ибо это показывает, что мы ищем его покровительства или помощи. Пренебрегать человеком - значит оказывать ему неуважение. Уступить кому-либо какое-нибудь преимущество - значит оказывать ему уважение, ибо это есть признание большей силы. Присвоить себе это преимущество - значит оказывать неуважение. Оказывать знаки любви или боязни кому-либо - значит оказывать ему уважение, ибо как любить, так и бояться кого-либо - значит ценить его. Игнорировать кого-либо, или меньше любить, или бояться его, чем тот ожидает, - значит оказывать ему неуважение, ибо это значит низко ценить его. Хвалить, возвеличивать или называть кого-либо счастливым - значит уважать его, ибо ничто не ценится, кроме доброты, силы и счастья. Бранить, высмеивать или жалеть кого-либо есть неуважение. Говорить с кем-либо обдуманно, держаться перед ним скромно и смиренно - значит уважать его, ибо это свидетельствует о боязни обидеть его. Говорить с ним опрометчиво, делать перед ним что-либо непристойное, неряшливое, постыдное - значит оказывать ему неуважение. Верить в кого-либо, доверяться ему и полагаться на кого-либо - значит оказывать ему уважение, ибо в этом сказывается наше мнение о его добродетели и могуществе. Не доверять или не верить - значит оказывать неуважение. Слушаться чьего-либо совета или охотно слушать чью-либо речь - значит оказывать соответствующему лицу уважение, ибо это говорит о том, что мы считаем это лицо мудрым, красноречивым или остроумным. Спать, уходить или разговаривать во время речи другого - значит оказывать ему неуважение ... Соглашаться с чьим-либо мнением - значит оказывать соответствующему лицу уважение, так как это есть признак одобрения его суждения и его

мудрости. Не соглашаться есть неуважение, ибо это значит укорять соответствующее лицо в заблуждении ... Подражать кому-либо - значит оказывать ему уважение, ибо это значит горячо одобрять его. Подражать же его врагам - значит оказывать ему неуважение. Оказывать уважение тем, кого уважает другой человек, - значит оказывать уважение этому последнему, ибо это признак одобрения его суждения. Уважение к его врагам есть неуважение к нему. Привлекать кого-либо в качестве советчика или помощника в трудных делах - значит оказывать ему уважение, ибо это признак нашего мнения об его мудрости или о другой его силе. Отказать в этих же случаях в привлечении тех, кто добивается этого, есть неуважение».

В-пятых, «человек, получивший благодеяние от другого лишь из милости, должен стремиться к тому, чтобы тот, кто оказывает это благодеяние, не имел разумного основания раскаиваться в своей доброте. Ибо всякий человек дарит лишь с намерением приобрести этим какое-нибудь благо для себя ... И если люди увидят себя обманутыми в этом, то исчезнет всякое основание для благоволения или доверия и, следовательно, исчезнет всякая взаимопомощь».

В-шестых, «каждый человек должен признать других равными себе от природы», в связи с чем «ни один человек не должен требовать предоставления себе какого-нибудь права, на предоставление которого любому другому человеку он не согласился бы». Отсюда вытекает, в частности, что общие вещи должны использоваться их собственниками в равной мере. Если же общая вещь не может быть использована сообща, то либо право владения ею в целом, либо право первоочередного владения нужно предоставить по жребию.

В-седьмых, «в случае спора стороны должны подчинить свое право решению арбитра». Причем «никто не может быть справедливым арбитром в своем собственном деле». И «если человек уполномочен быть судьей в споре» между людьми, то он должен их рассудить беспристрастно.

В-восьмых, «всем людям, которые являются посредниками мира, должна быть дана гарантия неприкосновенности».

Задача государственных органов - гарантировать осуществление совокупности норм естественного права в человеческом поведении. Для этого государству следует устанавливать и при необходимости принудительно проводить в жизнь исходящие именно от него общеобязательные правила, которые Т. Гоббс часто именует «положительными», а также «гражданскими» законами⁷¹.

Как констатировал Дж. Финнис, теории естественного права разрабатываются «в течение приблизительно двух тысячелетий». Все это время такие концепции, полагал он, используются для объяснения и совершенствования положительного права⁷². В частности, «традиция теоретизирования относительно естественного права ... стремится определить, каковы в действительности требования» разума, «с тем чтобы доставить рациональное основание для деятельности законодателей, судей и граждан». Автором одной из рассматриваемых теорий, английским правоведом XVI в. К. СентДжерменом, отмечено: «В каждом удачном положительном законе есть нечто от закона разума... и отличить закон разума от положительного закона... совершенно необходимо... во всех законах, созданных для государства». Причем в этой концепции «рассуждения» о положительном праве строятся «на языке того, что» в нем «является и что не является совершаемым... вопреки разуму... то есть неразумным».

Результаты подобного анализа дают возможность рационально объяснить некоторые нормы положительного права и обосновать не обходимость изменения остальных. Например, один из принципов «естественного права формулируется так: “Следуй природе”». Признающие его теоретики утверждают, «что естественные функции никогда не должны

⁷¹ Дробышевский С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи : учебное пособие / — 4 е изд., доп. — М. : Норма, 2020. — С. 122-124

⁷² Честнов И. Л. Постклассическая теория права: монография. Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2012. С. 338.

оставаться невыполнеными или что человеческие способности никогда не должны отклоняться от их естественных целей (“извращаться”)). Отсюда вытекают рациональное объяснение положительных правовых норм о брачном союзе мужчины и женщины и необходимость отменить юридические правила, допускающие половое сожительство представителей одного пола. В естественноправовых учениях налицо утверждение, что неразумные «законы — это не право». Однако Дж. Финнис, досконально изучивший отмеченные доктрины, охарактеризовал приведенное заявление так. «Я не знаю ни одной теории естественного права, в которой это утверждение, или нечто подобное ему, является чем-то большим, нежели второстепенная теорема». Дж. Финнис убежден в следующем. «Традиция теоретизирования относительно естественного права не преуменьшает область действия и определенность позитивного права или общую достаточность позитивных» формальных «источников» права «для разрешения правовых проблем». Задача «этой традиции... показать, что акт “установления”» положительного юридического правила «(будь то судебным, законодательным или иным путем) может и должен направляться “моральными”... нормами». Более того, «центральная традиция теоретизирования относительно естественного права..., вне всякого сомнения, не позволяет себе» то, что утверждал о ней Г. Л. А. Харт, а именно «раз и навсегда отказаться признавать порочные законы действительными ради какой бы то ни было цели»

По словам Дж. Финниса, «далекая от... отрицания юридической действительности» порочных, то есть неразумных, положительных установлений права, эта «традиция совершенно явно... придает» подобного рода правилам «юридическую действительность или на том основании и в том смысле, что такие нормы принимаются в судах как ориентиры для вынесения судебного решения, или на том основании и в том смысле, что... они удовлетворяют критериям действительности, установленным

конституционными или иными правовыми нормами, или и на том и на другом основании и в обоих этих смыслах. Традиция даже признает, что может быть обязанность подчиняться некоторым» неразумным «законам, чтобы поддержать уважение к правовой системе в целом». Конкретизируя последнее суждение, Дж. Финнис, в частности, выразился так. Если неразумное «постановление фактически не отличается от других законов по его формальному источнику, по принятию его судами и должностными лицами и по его общему признанию, тогда к хорошему гражданину может... предъявляться моральное требование в меру необходимости подчиняться этому постановлению» не только «чтобы не допустить ослабления “закона”, правовой системы (норм, учреждений, решений) в целом», но «и по причинам... иного рода», скажем, «в силу обязанности человека перед своей семьей избегать наказания, которое последовало бы за нарушением закона». Почти все теоретики естественного права на протяжении истории размышлений о нем находили опору для формулируемых ими суждений, обращаясь к религии. Дж. Финнис сформулировал эту идею так. «Теории естественного права излагались людьми, которые, за редким исключением, считали, что» Бог «является» его творцом. Причем этот созданный божеством «закон человек должен соблюдать из благодарности, надежды, страха и ... любви» потому, «что он», т. е. естественное право, «составляет содержание некоего акта божественной воли». Дж. Финнис отступил от отмеченной традиции. Он «не представил» естественное право как выражение «божественной воли». Аргументация Дж. Финниса такова. Есть «точка зрения утверждающих, что Бог желает того то и того то и что этой воле надо повиноваться». Причем «те, кто говорят о Боге, подразумевают сущность и положение дел, которые своим существованием объясняют существование всех сущностей и положений дел во всех... областях... бытия... Каким образом... Бог... есть объяснение всего этого — неизвестно; известным считается только то, что... Бог... есть все, что требуется, чтобы все это объяснить». Однако «притязающие на то, что они знают, чего желает Бог в

какой либо человеческой ситуации, и знают, что этой воле надо повиноваться, выходят... за пределы того, что можно утверждать... на основе» логической «аргументации». Относительно же причины действия естественного права несомненно следующее. Его принципы «получают силу от своей разумности, а не от какихлибо полагающих начало актов или обстоятельств» Отсюда ясен вывод. «Естественное право может быть понято, принято, применено или проанализировано с помощью» размышления «без обращения к вопросу о существовании Бога»⁷³.

Д. Остин считал, что изданная сувереном норма позитивного права не может юридически ограничить его в последующем, так же как она не может юридически ограничить любого суверена, ставшего преемником суверенных полномочий первого суверена. Дело в том, что из самого понятия суверена вытекает его полная свобода издать такую норму позитивного права, какую он в данный момент желает принять. Он не был бы сувереном, если бы был связан предыдущей нормой позитивного права, изданной им самим, или же нормой позитивного права, установленной тем сувереном, преемником суверенных полномочий которого он является. Таким образом, каждый суверен как верховный правитель «свободен от правовых ограничений или, говоря иначе, верховное правительство всегда является юридически деспотическим». В частности, заметил Д. Остин, О. Сидней был несомненно прав, когда утверждал: «Различие между хорошими и плохими правительствами заключается не в том, что один из этих двух видов правительства характеризуется произвольной властью, в то время как другой не характеризуется, ибо все правительства имеют такую власть; а в том, что в хорошо устроенных правлениях эта власть так используется, что она оказывается полезной для народа».

С точки зрения Д. Остина, некоторые современные ему немецкие специалисты в области юриспруденции неправильно разделили

⁷³ Дробышевский С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи : учебное пособие / — 4 е изд., доп. — М. : Норма, 2020. — С. 670-673

установленное право как родовое понятие на два вида – «право в объективном смысле» и «право в субъективном смысле». При этом под первым они понимали совокупность общеобязательных правил поведения, а под вторым - гарантированные правовыми нормами возможности поведения субъектов права⁷⁴. По его убеждению, совокупность юридических норм и предусмотренные правовыми нормами возможности поведения человека - понятия, связанные иначе. Приведенное же ошибочное деление установленного права, по-видимому, во многом обусловлено обозначением в немецком языке одним словом «Recht» и совокупности общеобязательных правил, и юридической возможности поведения. Поскольку же аналогичная картина имеет место в латинском, итальянском, французском и русском языках, то теоретики права, для которых перечисленные языки являются родными, также склонны к указанному заблуждению. Напротив, английские ученые-юристы, констатировал Д. Остин, подобной ошибки обыкновенно не совершают. Скорее всего, это вызвано тем, что в английском языке совокупность общеобязательных норм и юридическая возможность поведения обозначаются разными словами, а именно соответственно «law» и «right»⁷⁵.

Наряду с позитивным правом Д. Остин выделял нормы естественного права и морали. Согласно его взглядам, к морали принадлежат все правила поведения, устанавливаемые людьми в политической организации общества. Отсюда вытекает, что каждая норма установленного права одновременно представляет собой и правило морали. Вместе с тем много моральных правил не относится к нормам позитивного права. Кроме того, не охватываются установленным правом моральные нормы, создаваемые подданными как частными лицами, если последние при этом действуют не при реализации своих юридических прав. Что же касается естественного права, то оно

⁷⁴ История политических и правовых учений: Учебник / Под ред. О.Э. Лейста. – М.: Юридическая литература, 1997. С. 284.

⁷⁵ Дробышевский С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи : учебное пособие / — 4 е изд., доп. — М. : Норма, 2020. — С. 212-215

включает лишь те нормы позитивного права и морали, которые «всегда существуют во всех независимых политических обществах, а не являются характерными только для некоторых подобных сообществ и периодов времени⁷⁶.

Достаточно интересно рассуждает о понятии права Г. Кельзен. Он считал, что теоретический вывод о «тождестве государства и права» верен. Однако это тождество – не полное, а частичное. Суть его выражается в уже сформулированной идее, согласно которой государство есть правопорядок⁷⁷.

В то же время в теории Г. Кельзена государственная организация, где неизменно присутствует право, и само оно – разные вещи. Причем при определении права автор рассматриваемой доктрины, по его собственному выражению, не пожелал «вязнуть в антропоморфных метафорах» и поэтому довольствовался представлением, что «право есть «воля» государства». Он пошел другим путем, указав: право «состоит из норм, является совокупностью или системой норм», ибо люди обращаются к праву как к предписаниям для взаимного поведения. Но слово «норма», использованное в приведенной дефиниции, у Г. Кельзена содержит иной смысл, чем в учениях многих предшествующих и современных ему правоведов.

Эти юристы, также часто именовавшие право системой норм, видели в каждой из них «термин для обозначения фактической регулярности» в социальной жизни. При таком понимании если случай человеческого общения описывается как «нормальный», то имеется в виду что «происходит нечто, которое и действительно склонно обычно случаться». Когда дела обстоят указанным образом, налицо норма. И присутствует ее нарушение при отступлении от анализируемой закономерности взаимодействия людей.

⁷⁶ Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. — СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. С. 100.

⁷⁷ История политических и правовых учений: Учебник / Под ред. акад. РАН, д. ю. н., проф. В. С. Нерсесянца. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2004. С. 888.

Изложенное определение нормы предполагает: она всегда выявляется и функционирует не в одной, а в нескольких сходных ситуациях человеческого поведения. Этот факт демонстрирует ее непременный общий характер для упомянутых однопорядковых случаев. Отсюда индивидуальной нормы, а именно опосредующей единственное стечние обстоятельств, просто не существует.

Г. Кельзен же при трактовке права понимал под нормой другое. Для него «смысл слова «норма» есть то, что чему-нибудь следует быть» и, в частности, представление, согласно которому людям при определенных условиях нужно вести себя специфическим образом. Поэтому норма представляет собой предписание об обязательном поведении. И ее словесное выражение – это «заявление о должном»⁷⁸.

Акт команды неизменно оказывается проявлением воли. Ведь всякий, кто приказывает, велит, чтобы предписываемое стало реальностью. Иными словами, фраза «ты должен» подразумевает «я велю». В результате норма выступает «смыслом акта воли». Поскольку же нет препятствий для закрепления в норме любого желательного поведения как обязательного, то содержание ее, безусловно, определяется произвольно.

Предписывать людям поступать так или иначе возможно и индивидуальным, и общим способом. Вот почему, по Г. Кельзену, норма способна иметь либо индивидуальный, либо общий характер. Она обладает первым, когда приказывается «специфическая часть» поведения конкретного человека. Норме присущ общий характер во всех остальных случаях ее наличия.

Например, к индивидуальным нормам относится приговор суда, гласящий, что «вор Смит должен быть заключен в тюрьму на один год», равно как и приказ отца своему сыну Тому: «Закрой это окно». Притом при

⁷⁸ Венгеров А.Б. Теория государства и права. 3-е изд. Москва, 2000. С. 211.

направлении команды точно перечисленному ряду людей и объявлении необходимым только одного детально определенного элемента манеры действий формулируется столько индивидуальных норм, сколько указано адресатов. Это означает, что три индивидуальных нормы налицо в случае отцовского приказа «сыновьям Тому, Дику и Гарри поздравить с пятидесятилетием их учителя, мистера Джонса». Общий же характер нормы присутствует, если абстрактно описанная в типичных чертах «часть поведения устанавливается в качестве обязательной для особо выделенного класса лиц», как, скажем, наблюдается в предписании, по которому «компетентным судьям следует наказывать всех воров лишением свободы».

Но даже норма, адресованная одному конкретному человеку, может иметь общий характер, когда она должна реализовываться в заранее неизвестном числе сходных случаев. Так, это происходит в следующей отцовской команде уже упоминавшемуся Тому: «Тебе надлежит посещать церковь каждое воскресенье». Здесь приказывается «некоторый в общем смысле определенный курс поведения»⁷⁹.

Разница в трактовке норм, использованной при определении права как их системы, между кельзеновской теорией и доктриной многих других юристов вызвала любопытное последствие. Отмеченные правоведы понимали право более узко, чем Г. Кельзен. В частности, если для первых оно включало в отдельном государстве только сформулированные или санкционированные суверенной властью общие правила поведения, выраженные в законах, подзаконных нормативных актах, иных документах, то для второго право охватывало и индивидуальные нормы, закрепленные в многообразных постановлениях административных государственных органов, в судебных решениях по конкретным делам, а также в сделках между различными лицами.

⁷⁹ Дробышевский С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи : учебное пособие / — 4 е изд., доп. — М. : Норма, 2020. — С. 633-634

Однако объем содержания кельзеновской дефиниции права этим не исчерпывается. Сюда входят нормы международного и примитивного права – опять-таки общие наряду с индивидуальными⁸⁰.

Разумеется, Г. Кельзену не был известен сделанный в науке конца XX в. вывод, что примитивная или догосударственная социальная система представляет собой взаимодействие структур, подпадающих под определение Дж. Остином «независимого политического общества», в каждой из которых имеется собственное право как совокупность приказов суверена. Причем такие политические организации контактируют на основе правил, функционально тождественных международному праву эпохи существования государств⁸¹.

По-видимому, в случае обладания Г. Кельзеном этой информацией его определение права стало бы обобщением лишь двух вещей. Во-первых, приказов суверена в примитивных и государственно организованных «независимых политических обществах»; во-вторых, международного права, рассматриваемого в качестве действующего и до, и после образования государств. Но при любом решении вопроса о степени обоснованности данного предположения ясен факт: анализируемая дефиниция в кельзеновской теории отражает общие черты внутригосударственного, международного и, вдобавок, примитивного права, интерпретированных без учета приведенного научного вывода конца XX в.

Прежде всего обязательной характеристикой столь широко трактуемого права, по Г. Кельзену, является принудительность. Ведь оно «регулирует человеческое поведение путем привязывания специфических принудительных актов как последствий к определенным обстоятельствам», установленным в виде условий. И при сопротивлении лица указанным актам,

⁸⁰ Корельский В.М., Перевалов В.Д. Теория государства и права: учебник / В.М. Корельский, В.Д. Перевалов. - Москва: Норма. 1997. С. 89.

⁸¹ Дробышевский С.А. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции. Москва: Проспект, 2017. С. 132.

скажем, законному лишению жизни, свободы, материальных или иных благ, подобного рода меры реализуются «с применением физической силы». А это предполагает понимание принудительности права «не в том смысле, что ... представление» о его нормах «осуществляет психическое принуждение» по отношению к людям.

Правда, некоторые такие предписания позволяют конкретное человеческое поведение, никого не заставляя действовать или воздерживаться от поступков. Но приведенный факт, согласно кельзеновской доктрине, не противоречит принудительности права по простой причине. Анализируемые нормы «имеют смысл лишь в сочетании с другими ..., которые устанавливают акты принуждения».

Формулируя каким способом и когда, кто и кого должен заставлять, право «защищает подчиненных ему индивидов» от противоправного насилия. Вместе с тем эта система предписаний в кельзеновском понимании отнюдь не всегда умиротворяет социальную среду, где существует. По словам Г. Кельзена, «невозможно обоснованно утверждать, что правовое состояние обязательно есть состояние мира».

Неотъемлемой чертой права выступает также действенность или эффективность совокупности его норм. Система принудительных предписаний может быть признана правом в территориальных пределах своего функционирования только при одном условии. Она здесь оказывается «в общем и целом ... действенной», то есть проводится в жизнь.

Как долго это должно происходить Г. Кельзен пояснял примером. После победы революций во Франции в конце XVIII в. и России в начале XX в. «другие государства обнаружили явное нежелание истолковывать» системы принудительных норм, возникшие в результате разрушения старых порядков, как право, «а акты революционных правительств» считать «правовыми, потому что во Франции был нарушен принцип монархической

легитимности, а в России – отменена частная собственность на средства производства». Между прочим, в силу второго из указанных обстоятельств «суды США отказались признать акты русского правительства правовыми», объявив данные документы «актами не государства, а банды гангстеров». Однако, когда обсуждаемые революционно созданные системы принудительных норм «обнаружили ... длительную действенность», международное сообщество расценило их в качестве права.

По кельзеновской доктрине, последнее устанавливается исключительно людьми, конкретными человеческими проявлениями воли. Имея в виду это установление или позитивацию, включающую формулирование, изменение и отмену отдельных предписаний, Г. Кельзен именовал все право как систему принудительных, действенных норм позитивным. И хотя он также называл ту же самую реальность объективным правом, рассматриваемое политико-юридическое учение вошло в историю под авторским наименованием «позитивистской правовой науки».

С ее позиций, нормы, составляющие право, в принципе адресованы людям. Но возможны и иные ситуации. В частности, в древних обществах, писал Г. Кельзен, правовыми предписаниями регулировалось «поведение животных, растений и даже неодушевленных предметов», наравне с поступками человеческих индивидуумов. «Это ... объясняется анимистическими представлениями», согласно которым «душой» обладают, кроме людей, и перечисленные природные объекты, в связи с чем «их отличие» от человека «не ... существенно». Следовательно, нормы права «могут применяться как к людям», так и к остальным выделенным естественным явлениям.

В соответствии с анализируемой теорией, каждое подобное предписание выступает для его адресатов и в виде возможностей в установленных рамках поступать произвольно, и в форме требований определенного поведения; выражаясь по-другому, в качестве субъективных

юридических прав и обязанностей. Отсюда упомянутые возможности и требования не есть реальность, отдельная и независимая от правовых норм.

И Г. Кельзен, естественно, считал ошибочным «традиционное» для юриспруденции воззрение, сводящееся к утверждению: «Право в субъективном смысле», куда включены субъективные юридические права и обязанности, «противополагается праву в объективном смысле, а именно ... системе норм, как отличная от него сфера». По кельзеновским взглядам, система норм, являющаяся позитивным или объективным правом, представляется людям, кому она предписана, их многообразными субъективными правами и обязанностями. Причем юридические возможности поведения одного лица создаются правовыми требованиями, предъявляемыми к поступкам другого либо других. Поэтому ситуация, описываемая указанием на право конкретного субъекта, может быть охарактеризована и посредством ссылки на обязательство иного или иных. В итоге она по сути оказывается единственным стечением обстоятельств, рассматриваемым с разных углов зрения⁸².

Осмысление приведённых идей из истории политических и правовых учений позволяет сформулировать ряд суждений. Последние таковы.

Для теории организации имеет смысл лишь понимание права как системы норм. Иные трактовки права непригодны. Но, как известно, право в качестве юридического феномена возникло исключительно для нужд организации людей. Вот почему присутствующие в истории и современности ненормативные трактовки права некорректны⁸³.

Из нормативных трактовок права также не все верны. Имеется представление о том, что право – это социальные нормы, формулируемые и проводимые в жизнь суверенной властью. Однако создана и идея, согласно

⁸² Дробышевский С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи : учебное пособие / — 4 е изд., доп. — М. : Норма, 2020. — С. 636-638

⁸³ Мальцев Г. В. Социальные основания права. Москва: Изд-во «Норма», 2007. С. 320.

которой к праву относятся все социальные нормы, устанавливаемые организациями общества, разделёнными на управляющих и управляемых людей⁸⁴.

Критерием оценки двух только что приведённых точек зрения на понимание права служит практика правового регулирования. И она свидетельствуют, что практикующие юристы во все времена придерживались и придерживаются такого убеждения. Только суверенная власть устанавливает и проводит в жизнь нормы права. Поэтому само оно есть правила, формулируемые и реализуемые именно ею⁸⁵.

Ясно, что теория правового регулирования должна обслуживать нужды охарактеризованной практики. Вот почему в этой теории право следует понимать как систему норм в обществе, устанавливаемых и проводимых в жизнь усилиями суверенной власти. Именно таким образом упомянутая идея о праве как явлении, существующем исключительно для нужд организации людей в обществе, получает наилучшее выражение.

2.2 Право и его регулирующее воздействие на организации в современных политико-юридических исследованиях

Общество должно быть как можно лучше организованным. Иными словами, правовое и иное нормативное регулирование поведения живущих в нем людей следует осуществлять эффективно.

Это должно быть заботой всех авторов, пишущих о правовом регулировании деятельности организаций. Причём прежде всего упомянутым авторам, если они хотят своими сочинениями принести пользу обществу,

⁸⁴ Дробышевский С.А. Правовое регулирование в первобытном обществе: теоретическая возможность и ее практическая реализация : монография — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2020. С. 205.

⁸⁵ Лановая Г. М. Формы существования базовых типов современного права: монография. Москва: Граница, 2014. С. 180.

нужно для этого не только придерживаться единственно пригодного для их работ понимания права как норм, формулируемых и проводимых в жизнь суверенной властью, но и учитывать официальные заявления о надлежащем политическом курсе государства, сделанные от имени соответствующей суверенной власти⁸⁶.

Что касается современной России, то в Послании Президента РФ Федеральному Собранию в текущем году было подчеркнуто, что оно будет посвящено главным образом вопросам здравоохранения, социальной политики и экономики. Значение социальной организации общества особо проявлялось перед лицом опасности нового вируса. В Послании указывается, что столкновение с неизвестной и чрезвычайно опасной инфекцией характеризовалось «абсолютной неопределенностью» и тревогой. Граждане, общество, государство действовали ответственно и солидарно; сплотившись, смогли сработать на опережение, создали условия, снижающие риски заражения миллионов людей, работали с огромным напряжением, быстро, качественно, на совесть. Многие рисковали собой.

Солидарность людей выражалась в конкретных делах, в заботе о близких, в готовности помочь тем, кто нуждается в помощи. Миллионы стали волонтёрами, выстраивали маршруты помощи от человека к человеку. Общероссийская акция «Мы вместе» объединила представителей разных профессий и возрастов. Духовной опорой общества, как и всегда это бывало в трудное время, стало служение наших традиционных религий. Вижу здесь руководителей наших конфессий и хочу вам низко поклониться, спасибо большое.

На протяжении всей истории наш народ побеждал, преодолевал испытания благодаря своему единству. И сейчас для нас на первый план вышли семья, дружба, взаимовыручка, милосердие, сплочённость.

⁸⁶ Рулан, Н. Юридическая антропология / Н. Рулан. – Москва: Норма, 1999. С. 72.

Духовно-нравственные ценности, порой игнорируются другими государствами, однако это достаточно важная составляющая⁸⁷.

Таким образом, борьба с эпидемией показала, как важно выступить против угрозы всем обществом и как важно каждому человеку быть членом общества и быть замеченным достойной социальной организацией.

Относительно проблематики правового регулирования деятельности подобных и иных ассоциаций целесообразно отметить следующее. В научной литературе об этом предмете обычно проводится ряд идей.

Во-первых, суверенная власть должна позволить подчинённым ей объединениям действовать в соответствии с желаниями их членов, если эти желания не противоречат её цели в обществе. Здесь имеется в виду большинство организаций в обществе.

Во-вторых, суверенная власть призвана стимулировать правовыми средствами деятельность организаций в обществе, которая способствует этой власти в достижении цели последней по обеспечению самосохранения и развития общества. Таких организаций также обычно очень много.

В-третьих, суверенная власть должна препятствовать функционированию организаций, осуществляющих цели, несовместимые с целью в обществе отмеченной власти. Причём речь идёт не только о прямых запретах в праве, но и о другом. В частности, в научной литературе проводится мысль о том, что для реализации цели суверенной власти последней полезно правовыми средствами «стравливать» друг с другом организации, противящиеся этой цели, чтобы они ослабляли друг друга в их взаимном противодействии⁸⁸.

⁸⁷ Халтурин А. Н. Право как социальный регулятор // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. №5. С. 14-19.

⁸⁸ Дробышевский С.А. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции. М. : Проспект, 2017. С.84-118.

Правда, упомянутые запреты в ряде случаев нужны. Например, так обстоят дела, если у суверенной власти есть достаточные основания полагать, что организация после её создания будет преследовать цели, противоречащие цели суверенной власти

Всё это верно. Но в юридической литературе о правовом регулировании деятельности организаций немало того, что нужно для эффективности этого упорядочения, пока остаётся учтённым явно недостаточно. Имеется в виду, в частности, следующее, если вести речь о современной России⁸⁹.

В последнее время все чаще можно слышать высказывания политиков о том, что Запад ведет против России ментальную войну. Действительно если воздействовать на менталитет народа, изменяя его не в лучшую сторону, то можно довольно быстро разрушить социальную организацию данного политически организованного общества.

Менталитет – это некий стержень, обеспечивающий самосохранение и развитие общества. Есть еще немаловажное понятие, называемое правосознание. Его можно расценивать как состояние, обмусоленное качеством менталитета. Существует точка зрения, согласно которой соотношение правосознания и менталитета, это соотношение содержания и сущности.

Феномен права теснейшим образом связан с человеком, его сущностью, смыслом человеческого бытия. Право существует потому, что существуют люди, потому что есть человек как социальная личность, который нуждается в праве⁹⁰. Оно не осуществляется механически; составляющие право правила поведения – правовые нормы – выполняют

⁸⁹ Макеев В.В., Шепелев В.И. Гражданское общество и его потребности в социально-нормативном регулировании // Философия права. 2015. № 4. С. 11 – 16.

⁹⁰ Малько А.В., Липинский Д.А. Правовое и религиозное регулирование: взаимодействие, противоречия и ответственность субъектов общественных отношений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. №39. С. 20 – 25.

люди. Они воспринимают своим сознанием правовые принципы и идеи, связывают с ними свои представления о правомерности и противоправности тех или иных действий⁹¹.

Жизнь людей – многовековая школа познания и преобразования общественного и индивидуального сознания. Перед человечеством нового тысячелетия стоит задача пересмотра, переосмыслиения, соединения политico-правовых и духовных идей во имя установления в обществе господства права, где в основе лежат права и свободы человека и гражданина как высшая ценность для государства. В современном мире в процессе динамичных политических и экономических преобразований, существует опасность массовых психологических кризисов и неустойчивости группового и индивидуального правосознания в понимании и поддержании основ жизнедеятельности, правопорядка и социально-нравственного гуманизма⁹².

Учёт в правовом регулировании деятельности организаций в современной России того, что только что отмечено, предполагает следующее. Соответствующие правовые нормы должны обеспечить проведение в жизнь указанных требований, предъявляемых к уровню правосознания и уровню правового менталитета⁹³.

В научной литературе можно встретить различные оценки современного российского менталитета⁹⁴. И все же качество менталитета нашего политически организованного общества позволило самосохраниться нашему государству и идти по пути развития.

Сегодня, оглядываясь на пройденный за тридцать лет путь, можно не только удивиться высокой стойкости российского народа перед выпавшими

⁹¹ Кузнецов Р.А. Деформация профессионального правосознания юристов. Автореф. Дис.на соискание научной степени канд. Юридических наук / Екатеринбург 2005. С. 9

⁹² Осипов, М. Ю. Правовое регулирование как динамическая система: понятие, структура, функции : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Осипов Михаил Юрьевич. – Москва, 2008. – 23 с.

⁹³ Кузнецов Р.А. Деформация профессионального правосознания юристов. Автореф. Дис.на соискание научной степени канд. Юридических наук / Екатеринбург 2005. С. 3.

⁹⁴ Протопопова Т.В., Шульга А.Ю. Правовые проблемы менталитета личности: монография. – Москва: ООО «Издательско-книготорговый центр «Колос-с», 2021. С. 44.

испытаниями, но и необходимо попытаться понять, какие политические решения позволили сохранить и воспроизвести государство российское на новом уровне.

За последние два десятилетия удалось сохранить и укрепить территориальную целостность и единство страны, практически полностью преодолеть «центробежные» тенденции в системе отношений регионов с Москвой. Ушли в прошлое ситуации, когда законодательство субъектов Федерации напрямую противоречило букве и духу Конституции страны, нормам федеральных законов. Регионы перестали «брать» столько суверенитета, сколько могли «унести». В результате современная Россия уже не выглядит как лоскутное одеяло с локальными политическими системами, принимающими решения, которые не отвечают интересам страны⁹⁵.

Преодолена инерция распада: вертикаль политической власти, которая в 90-е годы не могла быстро реализовывать политические цели и задачи, подверглась масштабному реформированию. Была значительно повышена эффективность работы государственных органов и учреждений, усиlena ответственность должностных лиц за выполнение поставленных перед ними задач. Новая кадровая политика привела к тому, что государственно ориентированные люди стали основой системы политического управления⁹⁶.

Серьезной вехой в развитии современной России стало достижение мира на Северном Кавказе, урегулирование острого конфликта в Чеченской Республике. Этот тяжелейший кризис угрожал целостности всей страны, стоил немалых человеческих жертв и материальных затрат. Непреклонная воля и решимость руководства страны продемонстрировала последовательный курс на защиту конституционного строя, а также в борьбе с терроризмом и сепаратизмом.

⁹⁵ Честнов И.Л.. Теория государства и права : учебник / И. Л. Честнов. – Москва : Инфра-М. 2018. С. 48.

⁹⁶ Малько А. В. Политическая и правовая жизнь России: актуальные проблемы: Учеб. пособие. - Москва: Юристъ, 2000. – 255 с.

Правовой нигилизм «лихих 90-х», лицом которого была борьба преступных группировок за власть и собственность, похищения людей, заказные убийства, рэкет и вымогательство, наркоторговля, за 2000-е годы оказался полностью преодоленным⁹⁷. Даже самые скептично настроенные эксперты отмечают рост уровня правосознания российского общества, повышение качества работы правоохранительных органов, снижение уровня правонарушений⁹⁸. Конечно, запрос на более эффективную работу этих структур, особенно в сфере борьбы с коррупцией, в нашем обществе очень высок. Но нельзя не признать, что в этом отношении уже сделано немало, растущее качество правоохранительной работы признается в международных сравнительных исследованиях.

Нужно, чтобы правовое регулирование деятельности организаций в современной России и в дальнейшем позволяло достигать только что отмеченные положительные результаты. Для этого в нём нужно учесть многое, о чём ещё не шла речь. В частности, подразумевается следующее.

Необходимо повышать уровень правосознания индивидуумов, входящих в социальную организацию. Если принять во внимание, что в основе структурной составляющей правосознания – правовой психологии – лежит самооценка, то было бы логично определить еще и функцию, связанную с обеспечением достоинства личности, условно ее можно было бы назвать дигнитологической функцией. Правосознание играет важную роль в жизни отдельного человека и в жизни социума. Правосознание, правильно сформированное, может многое улучшить в окружающей человека среде. Дигнитологическая функция правосознания призвана обеспечить использование человеком в повседневной жизни знаний и представлений о человеческом достоинстве. Необходимо укоренение в правосознании каждого идеи о бережном отношении к достоинству другого и о постоянной

⁹⁷ Мартышин, М. Теория государства и права / М. Мартышин. - Москва: Проспект, 2016. С. 410.

⁹⁸ Бреднева, В.С. Место и роль массового правосознания в информационной сфере // Информационное право. – 2008. – 2(13). С. 49 – 55.

заботе, о поддержании своими делами собственного достоинства на достаточном уровне. А в идеале дигнитологическая функция правосознания должна способствовать возвышению человеческого достоинства⁹⁹.

Для достойного самосохранения и развития любой социальной организации необходимо, чтобы большинство граждан в политически организованном обществе имело высокий уровень правовой культуры. Поэтому, в частности, необходимо более тщательное изложение проблем правовой культуры в юридической литературе. Начиная с учебника по теории государства и права необходимо указывать на данную тему как одну из важнейших в процессе создания целостного и эффективного политически организованного общества. Необходимо и внимание государства к этой проблеме. Так, например, известно, что в скандинавских странах (в частности, в Норвегии) любой писатель пользуется поддержкой государства. Однако в нашей стране представить свои работы читателям достаточно трудно несмотря на то, что есть люди, занимающиеся разными правовыми темами, развитие которых необходимо. Уже сегодня можно использовать в научных целях определенные достижения в этой области красноярских авторов – представителей сибирской теоретико-правовой школы¹⁰⁰.

Для самосохранения и успешного развития социальной организации необходимо, чтобы в ней было обеспечено право на достоинство и право на достойное существование. В 2021 году Всемирный банк предложил обеспечить бедных в России гарантированным доходом. При этом следует учитывать, что гарантированный минимальный доход отличается от безусловного базового дохода, который выплачивается всем без исключения гражданам и пока не может быть доступен для россиян. Гарантированный минимальный доход - это выплаты людям, живущим за чертой бедности,

⁹⁹ Протопопова Т.В., Шульга А.Ю. Правовые проблемы менталитета личности: монография. – Москва: ООО «Издательско-книготорговый центр «Колос-с», 2021. С. 55.

¹⁰⁰ Баранов В. М. Теневое право. Нижний Новгород, 2002. С. 101.

размер которых рассчитывается как разница между доходом семьи и порогом бедности.

Получатели этих пособий обязаны предпринимать усилия для поиска работы, проходить обучение для получения новой профессии или выполнять другие условия, чтобы встать на ноги и уже не нуждаться в посторонней помощи. Автор статьи в Российской газете, вышедшей в свет 27 мая 2021 года писал, что «... если с выплатами безусловного дохода только идут эксперименты в развитых странах, то гарантированный минимальный доход уже испытан как в развитых, так и в развивающихся странах». В данной ситуации не вполне обоснованно говорить о неких «развитых странах» и противопоставлять им Россию. Дело в том, что наша страна тоже является достаточно развитой державой по многим показателям.

Всемирный банк предлагает опираться, с одной стороны, на опыт других стран, с другой – на программу социальных контрактов, которая в этом году распространена на всю Россию. Однако эта программа еще далека до выхода на полную мощность.

Введение новой программы борьбы с бедностью может стоить совсем небольших бюджетных средств (сейчас это около 400 миллиардов рублей), говорится в представленном в 2021 году докладе Всемирного банка об экономике России. Всемирный банк считает, что условиями этого введения должны стать «абсолютная адресность и сведение к минимуму ошибок включения», когда право на пособия получают далеко не бедные люди, а также разумный уровень издержек на администрирование (в пределах 10% расходов).

В этом идеальном случае сокращение бедности обойдется в четыре раза дешевле, чем могло бы быть за счет простого расширения существующей системы социальной защиты. Всемирный банк считает ее крайне дорогой из-за недостаточного фокуса именно на бедных. Дело в том,

что эта система стоит более 3% ВВП (без учета пенсий), то есть около 30 миллиардов долларов, что более чем в три раза выше дефицита доходов всех бедных семей в стране до социальных выплат (около 700 миллиардов рублей)¹⁰¹.

Изложенное о праве и его регулирующем воздействии на организации общества в современных политико-юридических исследованиях порождает в сознании ряд идей. Они таковы.

Во-первых, понимание права в сочинениях учёных нашего времени для прогресса в правовом регулировании организаций в обществе должно исключать иные представления о праве, кроме его трактовки как общеобязательных для его адресатов норм, формулируемых и проводимых в жизнь усилиями суверенной власти. Ведь право, как средство организации не должно пониматься так, что вызывающая его к жизни функция игнорируется.

Во-вторых, наилучшей организации общества, предполагающей высокую эффективность правового регулирования, мешает теоретическое представление о том, что суверенная власть способна функционировать без права и правового регулирования. Причём имеются в виду не только условия глубокой древности, но и современные общества. Речь идёт, например, об идее, что право и фашизм, право и большевизм – несовместимые феномены. Так что в условиях, скажем, нацистской Германии право отсутствовало¹⁰².

Указанное представление дезорганизует практикующих юристов, ибо побуждает их относиться к праву не как к необходимости, а как к чему-то, без чего можно обойтись в работе органов управления всем обществом. Естественно, такое отношение не может не оказываться отрицательно на усилиях юристов по правовому регулированию подчинённых суверенной власти организаций.

¹⁰¹ Протопопова Т.В., Шульга А.Ю. Правовые проблемы менталитета личности: монография. – Москва: ООО «Издательско-книготорговый центр «Колос-с», 2021. С. 78.

¹⁰² Халфина Р.О. Право как средство социального управления. М.: Наука, 1988. С. 156.

Для повышения эффективности правового регулирования вообще и правового регулирования функционирования социальных организаций в частности рассматриваемое представление нужно преодолеть. Логика его критики очевидна. Любая социальная организация характеризуется наличием нормативного регулирования. Государственно организованное общество – это разновидность отмеченной организации, которой присуще нормативное регулирование, выступающее как правовое. Поэтому государство немыслимо без права.

В-третьих, лучше всего решается проблема теми, кто её прекрасно знают. Отсюда при правовом регулировании деятельности общественных организаций не следует отнимать у них урегулирование вопросов, которые в этих ассоциациях возникли. Пусть каждая организация их решает сама под контролем общества, поскольку возможное решение способно повлиять на интересы всего общества.

Правда, из этой рекомендации имеется исключение. В условиях некоторых политических режимов существуют допускаемые правом организации, интересы которых несовместимы с устремлениями, отстаиваемыми суверенной властью. Если таким ассоциациям дать возможность самим принимать решения по возникающим здесь вопросам, то устремления суверенной власти едва ли будут учтены. Так что для последней, скорее всего, целесообразнее другая линия поведения. Может быть, для этой власти более эффективным в плане правового регулирования окажется принятие соответствующего решения её структурами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель работы достигнута. Её задачи выполнены. Выводы работы об этом свидетельствуют. Однако правовое регулирование деятельности социальных организаций нужно исследовать дальше.

Во-первых, следует продолжить изучение научной литературы по этой теме. Подразумеваются как отечественные, так и зарубежные публикации. Цель такого познания - точное установление всех сформулированных здесь суждений, которые противоречат идеям, изложенным в данной работе.

Во-вторых, нужно продумать аргументацию научных оппонентов, круг которых окажется полностью установленным в итоге отмеченного изучения. Надлежит выявить в указанной аргументации элементы истины, несомненно, в ней присутствующие, и учесть их в плане коррекции выводов завершаемого сочинения.

В-третьих, надлежит обратиться к юридическим нормам, которые были созданы на основе выявленных в итоге предшествующих этапов описываемой предполагаемой работы некорректных идей. Следует точно установить все такие правила как в отечественном, так и в зарубежном праве.

В-четвёртых, необходимо продумать то, каким должно быть верное содержание этих норм, предварительно определив, нужны ли они вообще. Наконец, нужно и сформулировать соответствующие конкретные предложения по совершенствованию права и предложить их правотворческим структурам.

Разумеется, реализация всех этих планов потребует немалых усилий. Однако нужды обеспечения ранее охарактеризованного общего блага для членов общества требуют эти усилия осуществлять.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Акмалова, А. А. Теория государства и права: учебное пособие / А. А. Акмалова, В. М. Капицын. – Москва: ИНФРА-М, 2017. – 320 с.
2. Алексеев, П.В., Панин А.В. Философия: Учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. — 608 с.
3. Аристотель. Этика. Санкт-Петербург, 1908. – 207 с.
4. Алексеев, С.С. Государство и право: учебник / С.С. Алексеев. - Москва: ИНФРА-М, 2006. – 322 с.
5. Алексеев, С. С. Восхождение к праву. Москва: Статут, 2010. - 608 с.
6. Алексеева, Т. А. Политическая философия. Москва, 2007. - 397 с.
7. Бабаев, В. К. Теория государства и права. Москва, 2003. 592 с.
8. Бандурин, А. П. Социальная регуляция: рациональное и иррациональное : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / А. П. Бандурин. — Ростов на Дону, 2005. - 51 с.
9. Бауман, З. Текущая современность. Санкт-Петербург, 2008. – 240 с.
10. Бреднева, В.С. Место и роль массового правосознания в информационной сфере // Информационное право. – 2008. – 2(13). С. 49 – 55.
11. Венгеров, А.Б. Теория государства и права. 3-е изд. Москва, 2000. - 528 с.
12. Гаевой, В.С. Основы политологии : реф. акад. пособия "Наука о политике" под ред. А.Боднара, Варшава 1988г.,пер.с польск. / В. Гаевой, 2-е изд.,перераб.и исправл. - М. : [б. и.], 1990. - 75 с.
13. Гоббс, Т. Левиафан. – М. : РИПОЛ классик, 2016. – 670 с.
14. Гриценко, Г. Д. Право как социокультурное явление: Философско-антропологическая концепция : дис. ... д. филос. наук. 09.00.13 / Гриценко Галина Дмитриевна. - Ставрополь, 2003. — 377 с.

15. Дробышевский, С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи: учебное пособие / Краснояр. гос. ун-т ред. С. А. Дробышевский. – Москва: Норма. 2020. – 688 с.
16. Дробышевский, С.А. Идеалы политически организованного общества и права: монография / С.А. Дробышевский, А.Ю. Лыков. – Москва: Норма. 2017. – 192 с.
17. Дробышевский, С.А. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции. Москва: Проспект, 2017. – 272 с.
18. Дробышевский, С.А. Способы восполнения пробелов в праве: монография / С. А. Дробышевский, Е. Ю. Тихонравов. – Москва: Норма. 2014. - 174 с.
19. Дробышевский, С.А. Формальные источники права / С.А. Дробышевский, Т. Н. Данцева. – Москва : Норма. 2011. – 160 с.
20. Дробышевский, С.А. Правовое регулирование в первобытном обществе: теоретическая возможность и ее практическая реализация : монография — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2020. — 252 с.
21. Дробышевский, С.А. Историческое место политической организации общества и права: некоторые спорные вопросы // Правовое государство: проблемы формирования / под ред. В.К. Бабаева. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1992. – 186 с.
22. Дробышевский, С.А. Функциональная и генетическая связь государства и права. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1982. – 103 с.
23. Еллинек, Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Санкт-Петербург: Н.К. Мартынов, 1908. – 626 с.
24. Исаев, И.А. История политических и правовых учений России : хрестоматия / И. А. Исаев, Н. М. Золотухина. – Москва: Юристъ, 2003. - 506 с.
25. История политической мысли и современность / под ред. Д.А. Керимова. Москва: Наука, 1988. – 275 с.

26. История политических и правовых учений: Учебник / Под ред. акад. РАН, д. ю. н., проф. В. С. Нерсесянца. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма, 2004. - 944 с.
27. История политических и правовых учений: Учебник / Под ред. О.Э. Лейста. — Москва: Юридическая литература, 1997. – 576 с.
28. Кельзен, Г. Чистое учение о праве. 2-е изд / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. — Санкт-Петербург: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. — 542 с.
29. Корельский, В.М., Перевалов В.Д. Теория государства и права: учебник / В.М. Корельский, В.Д. Перевалов. - Москва: Норма. 1997. - 570 с.
30. Коркунов, Н.М. История философии права. Санкт-Петербург: Типография А.С. Суворина, 1908. – 502 с.
31. Краткая философская энциклопедия М. 1994. – 574 с.
32. Кузнецов, Р.А. Деформация профессионального правосознания юристов. Автореф. Дис.на соискание научной степени канд. Юридических наук / Екатеринбург 2005. – 60 с.
33. Лахман, А.Г. Правосознание и правовое регулирование как понятие и реальность / А.Г. Лахман // Власть и управление на Востоке России. 2010. № 1 (50). С. 181-188.
34. Лановая, Г. М. Формы существования базовых типов современного права: монография. Москва: Граница, 2014. 294 с.
35. Локк, Д. Два трактата о правлении. / Д. Локк // Сочинения в 3 томах. Т. 3. – Москва: Мысль, 1988. – 546 с.
36. Мальцев, Г. В. Социальные основания права. Москва: Изд-во «Норма», 2007. 800 с.
37. Макеев, В.В., Шепелев В.И. Гражданское общество и его потребности в социально-нормативном регулировании // Философия права. 2015. № 4. С. 11 – 16.
38. Марей, А. Фома Аквинский и европейская традиция трактовок о правлении // Социологическое обозрение. 2016. №2. С. 74-82.

39. Малько, А.В., Липинский Д.А. Правовое и религиозное регулирование: взаимодействие, противоречия и ответственность субъектов общественных отношений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. №39. С. 20 – 25.
40. Малько, А. В. Политическая и правовая жизнь России: актуальные проблемы: Учеб. пособие. - Москва: Юристъ, 2000. – 255 с.
41. Мартышин, М. Теория государства и права / М. Мартышин. - Москва: Проспект, 2016. - 430 с.
42. Марченко, М.Н. Теория государства и права: учебник / М.Н. Марченко. - Москва: изд-во Зерцало, 2006. - 800 с.
43. Марченко, М.Н., Мачин И.Ф. История политических и правовых учений. Москва, 2005. 495 с.
44. Матузов, Н.И. Теория государства и права : учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – Москва: Дело РАНХиГр. 2015. – 525 с.
45. Морозова, Л. А. Теория государства и права : учебник – Москва: Эксмо, 2017. - 463 с.
46. Нерсесянц, В.С. Общая теория права и государства: учебник / В.С. Нерсесянц. - Москва: ИНфра-М, 2010. - 560 с.
47. Нерсесянц, В. С. Философия права. Москва, 1998. – 352 с.
48. Осипов, М. Ю. Правовое регулирование как динамическая система: понятие, структура, функции : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Осипов Михаил Юрьевич. – Москва, 2008. – 23 с.
49. Поляков, А. В. Общая теория права. Санкт-Петербург, 2001. – 560 с.
50. Протопопова, Т.В. Правовое регулирование обеспечения человеческого достоинства : монография. – Москва: Проспект, 2021. – 280 с.
51. Протопопова, Т.В., Шульга А.Ю. Правовые проблемы менталитета личности: монография. – Москва: ООО «Издательско-книготорговый центр «Колос-с», 2021. – 86 с.
52. Рулан, Н. Юридическая антропология / Н. Рулан. – Москва: Норма, 1999. – 310 с.

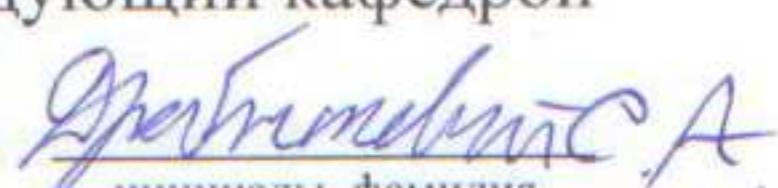
53. Руссо, Ж.-Ж. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – М.: Наука, 1969. – 879 с.
54. Спиноза, Б. Политический трактат / Б. Спиноза. // Избранные произведения. Т. 2. – Москва, 1957. – 486 с.
55. Сырых, В. М. Теория государства и права. Москва: Юстицинформ, 2012. - 704 с.
56. Сырых, В.М. Проблемы теории государства и права / В.М. Сырых. – Москва: Эксмо, 2008. – 528 с.
57. Халтурин, А. Н. Право как социальный регулятор // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. №5. С. 14-19.
58. Халтурин, А. Н. Право в системе социального регулирования: социально-философский анализ // Вестник ЧелГУ. 2017. №4. С. 31- 38.
59. Халфина, Р.О. Право как средство социального управления. Москва: Наука, 1988. – 256 с.
60. Честнов, И. Л. Постклассическая теория права: монография. Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2012. 650 с.
61. Честнов, И.Л.. Теория государства и права : учебник / И. Л. Честнов. – Москва : Инфра-М. 2018. – 231 с.
62. Черданцев, А.Ф. Теория государства и права: учебник для ВУЗов / А. Ф. Черданцев. – Москва: Юрайт-М, 2002. – 432 с.
63. Чистое учение о праве Ганса Кельзена / В.Н. Кудрявцев, Н.Н. Разумович // Сборник переводов. Вып. 2. – Москва: АН СССР, 1988. – 437 с.
64. Чичерин, Б. Н. Философия права / Б. Н. Чичерин. — Санкт-Петербург : Наука, 1998. — 656 с.

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Сибирский федеральный университет»
Юридический институт

кафедра Теории и истории государства и права

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

 подпись инициалы, фамилия

«7» июня 2021

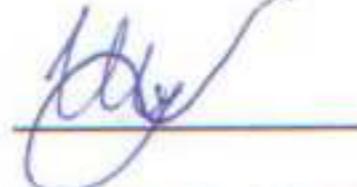
МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

«Правовое регулирование деятельности социальных организаций
в обществе»

40.04.01 Юриспруденция

40.04.01.10 Технологии профессиональной юридической деятельности

Руководитель магистранта д.ю.н., профессор С.А. Дробышевский
должность, ученая степень подпись, дата инициалы, фамилия

Студент ЮЮ19-10М 161945941 В.А. Шадрин
номер группы номер зачетной книжки подпись, дата инициалы, фамилия

Рецензент главный специалист- В.В. Кривошеин-Гончаров
государственный инспектор подпись, дата инициалы, фамилия

Министерства образования

Красноярского края

Красноярск 2021